

Эксперт-криминалист

№ 2
2018

Федеральный научно-практический журнал

Издается с 2005 г.

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Учредитель: Издательская группа "Юрист"

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Пер. ПИ № ФС77-52166 от 19 декабря 2012 г.

Периодичность – 4 номера в год

Главный редактор:

Комиссарова Я.В.

Редакционный совет:

Ковалев А.В., Леканов Ю.И.,
Пинчук П.В., Рябов С.А.,
Смирнова С.А., Токарев П.И.,
Шишко А.В., Алиев Б.А. (Азербайджан),
Крайникова М. (Словакия),
Малевски Г. (Литва).

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.

Заместители главного редактора:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

Отдел работы с авторами:

avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55,
стр. 7
<http://www.lawinfo.ru>

Подписной индекс по каталогам:

«Роспечать» — 20625,
Каталог российской прессы — 12429,
«Объединенный каталог» — 91912

Подписаться можно также
на сайте: www.gazety.ru

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ. печ. л. — 5. Усл. печ. л. — 5.
Общий тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая,
д. 2. Тел. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Номер подписан 28.05.2018.
Номер вышел в свет 13.06.2018.

Опубликованные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Вниманию наших авторов! Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс». Журнал включен в базу данных Российской индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

- Алиев Б.А.** О значении изучения личности террориста при расследовании преступлений террористической направленности..... 3
- Бачурин Л.В., Ефименко А.В.** Изучение возможности определения плотности и массы бумаги неразрушающим денситометрическим методом..... 6
- Бубнова И.С., Шестеперова Е.Л.** К вопросу о диагностике индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних потерпевших по делам о половых преступлениях..... 11
- Васильева О.А., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н.** Обзор методов выявления психологических признаков искажения информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства..... 15
- Исютин-Федотков Д.В.** Некоторые проблемы экспертной деятельности при государственных закупках..... 19
- Першин А.Н., Романов Е.Ю.** Заключение специалиста («рецензия»): позиция суда и практика применения..... 22
- Фетисов В.А.** Посмертная судебно-медицинская томографическая визуализация повреждений, причиненных острыми предметами..... 25
- Шакирьянова Ю.П., Леонов С.В., Пинчук П.В.** Опыт использования трехмерного программного моделирования при комплексной автотехнической и судебно-медицинской экспертизе дорожно-транспортного происшествия..... 28
- ПРОБЛЕМЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА**
- Смирнова С.А.** Актуальные пути совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации..... 32
- Ткачёв А.В.** О правовых вопросах регулирования автоматизированного решения экспертных задач..... 35
- ПРОБА ПЕРА**
- Ухолова А.М.** К вопросу о личности типичного рейдера..... 38

Forensics analyst

No. 2
2018

Federal science-practice journal

Published from 2005

The journal is published together with O.E. Kutafin Moscow State Law University

Founder: Publishing Group "JURIST"

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE REG. PI № FC77-52166 of December 19, 2012.

Published quarterly

Editor in Chief:
Komissarova Ya.V.

Editorial Board:
Kovalev A.V., Lekanov Yu.I.,
Pinchuk P.V., Ryabov S.A.,
Smirnova S.A., Tokarev P.I.,
Shishko A.V., Aliev B.A. (Azerbaijan),
Krajnikova M. (Slovakia),
Malevski G. (Lithuania).

**Editor in Chief of Publishing Group
"JURIST":**
Grib V.V.

Deputy Editors in Chief:
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A., candidate of juridical
sciences

Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 — multichannel

Authors' Department:
avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Editorial office / publisher:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035
<http://www.lawinfo.ru>

Subscription in Russia:
"ROSPECHAT" catalogue —
20625, "Russian Post" — 12429,
United catalogue — 91912
and also at www.gazety.ru.

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet — 5.
Conventional printed sheet — 5.
Circulation 1000 copies. Free market price.

Printed by "National Printing Group".
248031, Kaluga, settlement Severnij,
street Svetlaya, h. 2. Tel. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Passed for printing 28.05.2018.
Issue is printed 13.06.2018.

The articles express opinions of their authors which do not necessarily coincide with the viewpoint of the editorial office of the journal. All rights reserved. Complete or partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be subject to legal persecution.

Attention our authors! Certain materials of the journal shall be placed at legal system "ConsultantPlus". Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and candidate theses shall be published.

CONTENTS

- Aliev B.A.** On the Importance of the Terrorist Personality Study in Investigation of Terrorism-Related Crimes..... 3
- Bachurin L.V., Efimenko A.V.** Study of the Possibility to Determine Density and Mass of Paper by the Non-Destructive Densitometric Method 6
- Bubnova I.S., Shesteperova E.L.** On the Diagnostics of Individual Psychological Peculiarities of Minor Victims in Sexual Crime Cases..... 11
- Vasilyeva O.A., Kravtsova G.K., Kholopova E.N.** Review of the Methods of Identification of Psychological Attributes of Distortion of Information Given by Criminal Proceedings Participants..... 15
- Isyutin-Fedotkov D.V.** Some Issues of Expert Activities in State Procurements..... 19
- Pershin A.N., Romanov E.Yu.** A Specialist's Opinion (Review): the Court Position and the Application Practice..... 22
- Fetisov V.A.** Postmortem Forensic Tomographic Visualization of Injuries Inflicted with Sharp Objects..... 25
- Shakiryanova Yu.P., Leonov S.V., Pinchuk P.V.** Experience of Use of Three-Dimensional Software Simulation in Comprehensive Motor Technical and Forensic Examination of a Road Traffic Accident..... 28

LAW MAKING ISSUES

- Smirnova S.A.** Relevant Ways of Improvement of Forensic Examination Activities in the Russian Federation 32
- Tkachev A.V.** On Legal Issues of Regulation of Automated Expert Task Solution..... 35

DEBUT

- Ukholova A.M.** On the Personality of a Typical Raider..... 38

О значении изучения личности террориста при расследовании преступлений террористической направленности*

Алиев Бахтияр Абдурахман оглы,
начальник отдела Института права и прав человека
Национальной академии наук Азербайджана,
кандидат юридических наук, доцент
antiterror-baku@mail.ru

Понятие «личность» характеризуется применительно к определенной области исследования. Для исследователей, занимающихся изучением терроризма, объектом познания является особый тип личности — личность террориста. Если бы не было свойств, отличающих эту личность от других типов личностей, то не было бы смысла изучать ее. В личности террориста специфика выделяется особенно ярко.

Ключевые слова: криминалистическая методика, террористический акт, следственное действие, правоохранительные органы, личность террориста.

The concept of personality is characterized in relation to a certain area of research. For researchers involved in the study of terrorism, the object of cognition is a special type of personality — the identity of a terrorist. If there were no properties that distinguish this personality from other types of personalities, then there would be no point in studying it. In the personality of the terrorist, the specificity stands out particularly clearly.

Keywords: criminology methods, act of terrorism, investigative action, law enforcement agencies, the person of the criminal.

В настоящее время одной из важнейших функциональных задач в борьбе с терроризмом, стоящих перед правоохранительными органами и спецслужбами, является быстрое и полное раскрытие и расследование преступлений террористической направленности. Здесь особое место занимает криминалистическое обеспечение следственной, оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности правоохранительных органов и спецслужб.

Правоохранительные органы и спецслужбы накопили определенный опыт оперативно-розыскной и следственной работы по раскрытию, расследованию и предотвращению террористических преступлений. Вместе с тем анализ практики борьбы с терроризмом свидетельствует, что раскрываемость таких преступлений по сравнению с другими остается низкой. Неудачи в их раскрытии во многом обусловлены недостаточным уровнем профессиональной подготовки практических работников, включая нехватку знаний в части криминалистической методики их расследования, и, как следствие, невысоким качеством производства первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; слабым использованием помощи специалистов-криминалистов; организационными проблемами; просчетами во взаимодействии следователей с оперативными и научно-техническими подразделениями правоохранительных органов и спецслужб.

Центральной проблемой в исследовании антитеррористической тематики является личность террориста, его взгляды, цели, интересы, характерные социальные ценности, потребности, отношение к себе и окружающим, к обществу и государству в целом.

Как отмечается в литературе, «часть из террористов — это люди с ярко выраженным дефектом личности»¹. Основное — это фанатизм. Есть и определенные закономерности: недостаточное интеллектуальное развитие, проявление

насилия и жестокости к этим лицам в период детства и юности, сформировавшееся озлобленное отношение к окружающим и т.д.

Некоторые авторы акцентируют внимание именно на том, что среди террористов много лиц, которые в подростковом возрасте подвергались унижениям, не могли самоутвердиться, а потом мстят за это, причем не только своим обидчикам, но и всему обществу. Около 72% лиц, испытавших на себе в детстве и юности насилие и жестокость, вырастая, становятся злостными преступниками, в том числе террористами, в то время как благополучных детей и подростков становится на преступный путь менее трети². Кроме того, из числа лиц, в несовершеннолетнем возрасте вовлеченных в преступную деятельность, став рецидивистами, 60% сами вовлекают других в совершение преступлений³. И терроризм здесь не является исключением, наблюдается связь терроризма с установкой личности на насилие.

Для терроризма характерна стойкая преступная готовность соучастников. Террористическая акция замышляется, планируется, осуществляются подготовительные действия. Как правило, формируется устойчивая преступная (террористическая) группа. Идет тщательный отбор членов группы. В преступную деятельность вовлекаются (почти всегда за вознаграждение) «пособники» и «помощники». Однако за разноплановой активностью отдельных лиц всегда стоит лидер.

Принцип создания террористической группы, если говорить об этом в общем плане, таков: то, что трудно или страшно сделать одному, намного проще совершить в группе лиц. Довольно часто лидер вовлекает в группу таких лиц, которые стремятся проявить свою значимость, но их индивидуальность легко «стирается» в групповых действиях.

* On the Importance of the Terrorist Personality Study in Investigation of Terrorism-Related Crimes

Aliiev Bakhtiyar A., Department Head of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Ключом к объединению участников террористической акции в группу являются насилие и жестокость.

Следует согласиться с авторами, указывающими на жестокость как на одну из естественных характеристик способа совершения террористической акции⁴. На наш взгляд, этот критерий можно положить в основу изучения терроризма, потому что при совершении террористических действий преступники всегда переходят тот предел, который в конкретной ситуации вполне достаточен для достижения цели преступления. В результате страдают не только те, против кого конкретно была направлена террористическая акция, но и многие другие лица. В этом еще одна особенность терроризма.

Террористическая акция, как правило, искусственно обособывается высокими идеями. Участники акции ее нередко политизируют и пытаются придать ей соответствующее общественное значение. С этой точки зрения, терроризм — это вызов государству и обществу, когда игнорируются любые другие интересы, кроме личных, умело подогреваемых лидерами. За ширмой псевдополитических идей отчетливо просматриваются цели удовлетворения личных потребностей за счет насилия над людьми.

Страх, паника среди населения — лучшее прикрытие для действий террористов. Чувство тревоги и ощущение опасности мешают потерпевшим и свидетелям террористических акций объективно воспринимать происходящее и давать полные и правдивые показания в ходе расследования преступлений террористической направленности. Поэтому мы поддерживаем мнение тех ученых и практиков, кто полагает необходимым использовать технологию психолого-криминалистического портретирования при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами⁵.

Как было отмечено выше, терроризм всегда рассматривается в социальной связке с насилием. При этом понятие «насилие» определяется по-разному. В этимологическом смысле под насилием понимается беззаконное применение силы против людей (человека), силовое воздействие на них⁶. Философы увязывают насилие с применением тем или иным классом (социальной группой) различных форм принуждения в отношении других классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического государства, завоевания тех или иных прав и привилегий⁷. При этом насилие может быть сопряжено с вооруженным воздействием. Социологи, развивая это положение, указывают, что насилие всегда приобретает остроту в периоды разных политических и экономических поворотов в развитии каждого общества, в частности, террористические акты совершаются в период политических кампаний⁸. Юристы, руководствуясь идеями философов и социологов, определяют свою позицию, связывая насилие с преступлениями, криминальной ситуацией в целом⁹.

Многие специалисты, занимающиеся изучением проблем насилия, солидарны в том, что существует понятие «социология насилия» — исходная позиция для анализа социальных корней насилия, его разновидностей и форм проявления¹⁰. Отсюда — все «частные» определения насилия. К их числу относится и преступное насилие, особо опасной формой проявления которого является терроризм.

Насилие, проявляемое при терроризме, всегда приобретает особую значимость в периоды обострения социальных противоречий, приводящих к конфликтам, перерастающим в криминальные действия. Порой это антагонистические противоречия, как, например, ситуация, сложившаяся вокруг Нагорного Карабаха, связанная с националистическим терроризмом.

Преступное насилие, проявляемое в связи с терроризмом, присуще любому обществу (никто от этого не застрахован), хотя сами формы проявления такого на-

силия различны. Они зависят от системы установившихся в обществе отношений, социально-экономической и политической ситуации. Всякое волевое вмешательство в естественный процесс саморазвития общества, подмена саморегулирования искусственной «системой», когда доминируют субъективные решения, неизбежно приводят к дестабилизации и непредсказуемым последствиям, нередко — к разрушению общественных отношений. При этом создаются благоприятные условия для преступного насилия, связанного с терроризмом, для перемещения его с общественного уровня на индивидуальный, и наоборот — с индивидуального на социальный. Личностный уровень стыкуется с общественным, обуславливая конфликт между личностью и обществом.

Понятие «личность» характеризуется применительно к определенной области исследований¹¹. Для специалистов, занимающихся изучением терроризма, объектом познания является особый тип личности — личность террориста как реального носителя общественно значимых черт и отношений социальной сферы, в которой он осуществляет свою жизнедеятельность. Террорист, как уже отмечалось, не считается с интересами общества, пренебрегает своими обязанностями перед государством, зачастую становится по отношению к государству и обществу в позицию «мученика».

Если рассматривать терроризм в системе преступного насилия, то можно сказать, что стойкая система антиобщественных взглядов формируется у террориста под воздействием двух групп условий: субъективных и объективных. Условия первой группы относятся к характеристике собственно личности террориста, а второй охватывают широкий круг проблем социального свойства (социальные противоречия, социальные конфликты, социальная деформация, социальная напряженность, связанная с криминальной ситуацией, и т.д.). Важно, что сама преступная направленность личности террориста создает предпосылки для совершения террористической акции. Следовательно, первостепенное значение имеют условия субъективного характера — личностные характеристики террориста.

Однако нельзя считать, что корни терроризма кроются исключительно в личности каждого вовлекаемого в совершение террористических преступлений. Конечно, всякая террористическая акция выполняется отдельными людьми, но признавать за ними главенствующую роль (тем более считать их единственными двигателями акции) — значит, в сущности, работать не с человеком, а с идеей, с абстрактным понятием личности, а не с конкретной личностью. Социальная среда играет огромную роль в развитии личности будущего террориста, обуславливая формирование соответствующей социальной патологии.

Террористические акции мыслимы лишь в социуме. Общество не может напрямую контролировать личность, но и личность не способна напрямую контролировать общество. Промежуточным звеном является социальная среда. Следовательно, все, что связано с терроризмом, замыкается на систему «личность — среда — общество».

В основе террористической акции лежит мотивация как движущая сила терроризма, а в основе выделения этих акций в особо опасную группу лежат такие критерии, как способ действий террориста и мотив его действия.

У лиц, совершающих террористические акции, все мотивы аккумулируются в двух направлениях: а) стремление к удовлетворению потребности проявить свою значимость, заявить о себе и своей организации, если она есть, и б) стремление к удовлетворению потребности в насилие, совершаемом общеприемлемым способом. Иными словами, мотив террористического акта имеет двойную подоплеку: когда он идет изнутри, позволяя проявиться свойствам личности, и когда он является агрессивной реакцией на

«внешние раздражители» (несовпадение мнений, запрещение вседозволенности и т.п.).

Так, когда мотивы террористических акций смещаются в сторону «политических требований», другие мотивы не исчезают, а группируются вокруг основных. Мотивация направлена на то, чтобы с помощью терроризма завоевать власть, господство, лидерство.

С мотивом террористической акции связаны и способы действий. Мотив — движущая сила террористической акции. Насилие — обобщенная характеристика способов достижения желаемого. С этой точки зрения мотив и способ нельзя отрывать друг от друга, их следует рассматривать в качестве парных категорий.

Практический опыт показывает, что в борьбе с терроризмом важнейшую роль играет профилактика. Не следует забывать о традиционных технико-криминалистических средствах профилактики¹². Однако не менее важны персонализация сведений о террористах и обмен между спецслужбами и правоохранительными органами разных стран по закрытым каналам полной и достоверной информацией о личности террориста.

Литература

1. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия / С.Н. Абельцев. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 207 с.
2. Артамонов И.И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования : монография / И.И. Артамонов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-ль Шумилова И.И., 2002. 331 с.
3. Захидов Б.С. Ревность, как мотив умышленного убийства (юридический и психологический анализ) / Б.С. Захидов. Баку : Ганун, 2008. 176 с.
4. Комиссарова Я.В. О проблеме криминалистического изучения личности носителей специальных знаний / Я.В. Комиссарова, В.И. Комиссаров // Lex russica (Русский закон). 2014. Том ХСV (№ 10). С. 1201–1206.
5. Костовский О.Н. Современные возможности и перспективы использования автоматизированных дактилоскопических информационных систем в деятельности пограничных органов / О.Н. Костовский // Эксперт-криминалист. 2017. № 3. С. 23–25.
6. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Бородулин, В.Н. Григорьев и др. ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М. : Новый Юрист, 1997. 400 с.

7. Палий А.Ю. Использование специальных знаний при составлении психолого-криминалистического портрета участников организованных преступных сообществ / А.Ю. Палий // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 10–12.
8. Салимов К.Н. Методика расследования террористических преступлений : учеб.-практ. пособие / К.Н. Салимов, Б.А. Алиев. Баку : Ганун, 2003. 536 с.
9. Сафонов И.И. Организация раскрытия и расследования терроризма : монография / И.И. Сафонов. М. : Изд-ль Шумилова И.И., 2004. 155 с.

¹ Сафонов И.И. Организация раскрытия и расследования терроризма : монография. М. : Изд-ль Шумилова И.И., 2004. С. 34–35.

² Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. С. 127.

³ Там же. С. 128.

⁴ Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 207 с. ; Захидов Б.С. Ревность, как мотив умышленного убийства (юридический и психологический анализ). Баку : Ганун, 2008. 176 с.

⁵ Палий А.Ю. Использование специальных знаний при составлении психолого-криминалистического портрета участников организованных преступных сообществ // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 10–12.

⁶ Салимов К.Н., Алиев Б.А. Методика расследования террористических преступлений : учеб.-практ. пособие. Баку : Ганун, 2003. С. 156–159.

⁷ Захидов Б.С. Ревность, как мотив умышленного убийства (юридический и психологический анализ). Баку : Ганун, 2008. С. 97–98.

⁸ Артамонов И.И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-ль Шумилова И.И., 2002. С. 5-8.

⁹ Палий А.Ю. Использование специальных знаний при составлении психолого-криминалистического портрета участников организованных преступных сообществ // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 10–12.

¹⁰ Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Бородулин, В.Н. Григорьев и др. ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М. : Новый Юрист, 1997. С. 70–72.

¹¹ Комиссарова Я.В., Комиссаров В.И. О проблеме криминалистического изучения личности носителей специальных знаний // Lex russica (Русский закон). 2014. Том ХСV (№ 10). С. 1201–1206.

¹² Костовский О.Н. Современные возможности и перспективы использования автоматизированных дактилоскопических информационных систем в деятельности пограничных органов // Эксперт-криминалист. 2017. № 3. С. 23–25.

Изучение возможности определения плотности и массы бумаги неразрушающим денситометрическим методом*

Бачурин Леонид Викторович,

преподаватель кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований УНК судебной экспертизы Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
susanna-bachurin@mail.ru

Ефименко Александр Владимирович,

начальник кафедры исследования документов УНК судебной экспертизы Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук
efal@list.ru

В статье предлагается новый неразрушающий метод определения массы 1 м² и плотности бумаги на основе денситометрических измерений, а также излагаются результаты экспериментальных исследований.

Ключевые слова: судебная экспертиза, исследование бумаги, денситометрический метод.

The paper proposes a new nondestructive method for determining the weight of 1 sq. m and the density of the paper on the basis of densitometric measurements and presents the results of experimental studies.

Keywords: forensic examination, paper research, densitometric method.

К исследованию морфологических и субстанциональных свойств таких материалов документов, как бумага и картон, традиционно прикован интерес экспертов-криминалистов, материаловедов, специалистов в области технико-технологической экспертизы исторических документов и других исследователей. Проблемам исследования бумаги посвящены ряд научных и методических работ¹. Анализ показал, что в них преимущественно раскрываются общие сведения о природе бумаги, ее свойствах, основных этапах технологии бумажного производства. Описываемые методы исследования, как правило, базируются на подходах, принятых при контроле качества в бумажной промышленности.

Не все предлагаемые технологами методы исследования свойств бумаги приемлемы для решения криминалистических, а тем более технико-технологических задач исследования документов, поскольку связаны с полным или частичным разрушением (необратимым повреждением) бумажного полотна.

На практике эксперты могут сталкиваться с документами «малого формата», имеющими полное или локальные загрязнения, с измененными свойствами материалов, что обуславливается особенностями эксплуатации и хранения соответствующих документов и другими факторами. Нередко экспертные исследования приходится проводить при очевидной невозможности установить те или иные параметры бумаги. Одним из таких параметров является масса 1 м² бумаги и ее плотность. Определение этих весьма информативных показателей связано с применением раз-

рушающих методов исследования, что зачастую по вполне понятным причинам не устраивает инициатора назначения экспертизы.

Согласно действующим методическим подходам существует два основных метода измерения 1 м² бумаги — весовой и основанный на использовании радиоактивного излучения. Радиоизотопные приборы могли применяться для непрерывного бесконтактного измерения и регулирования массы 1 м² бумажного полотна в процессе его производства. Отметим, что в криминалистической практике радиоизотопные массомеры не нашли широкого применения по причине их несовершенства, а также не изученности области взаимодействия бета-излучения с бумагой².

Стандартное (общепринятое) определение массы 1 м² бумаги выполняется весовым методом. Массу бумаги, выраженную в граммах, определяют путем взвешивания на аналитических весах с точностью до 0,00001 г. Используют не менее трех образцов бумаги площадью 1 см² с последующим пересчетом полученных результатов на 1 м².

Расчет массы 1 м² бумаги в граммах производится по формуле

$$M = \frac{100m}{s \times n},$$

где M — масса 1 м²; m — масса листов бумаги в мг;
 s — площадь листа в см²; n — количество листов.

Существует мнение, что весовой (гравиметрический) метод определения массы 1 м², рассчитанной по массе 1 см² бумаги, является наиболее приемлемым. Однако про-

* Study of the Possibility to Determine Density and Mass of Paper by the Non-Destructive Densitometric Method

Bachurin Leonid V., Lecturer of the Department of Technical and Criminalistic Support of Expert Research of the Academic Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Efimenco Aleksandr V., Head of the Department of Document Research of the Academic Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences

веденная еще сотрудниками ВНИИ МВД СССР экспериментальная работа, заключающаяся в оценке воспроизводимости результатов определения массы 1 м² по стандартному и испытываемому методам, показала обратное. Результаты определения массы 1 м² при использовании образцов размером 1 см² невоспроизводимы — среднеквадратичное отклонение единичного измерения равно четырем. Это означает, что при определении массы бумаг, образцов, часто встречающихся в экспертной практике (порядка 60 г/м²), ошибка составляет 7% (и более). Такими показателями уже нельзя пренебречь. По этим причинам, как считают и указывают авторы, надо стараться отбирать по возможности несколько образцов бумаги большей площади³.

Для определения толщины бумаги и картона существует большое количество приборов, различающихся по принципу построения и по конструкции. В целлюлозно-бумажной промышленности в последнее время получили распространение радиоизотопные толщинометры. Кроме изотопного метода, дисперсию толщины можно определять «ускоренным» методом, заключающимся в установлении разницы между максимальным и минимальным значениями массы 1 м² толщины, определенной толщиномером или профилометром. Полученная разница есть мера неравномерности толщины полотна. Данный метод представляет интерес лишь с точки зрения параметра, характеризующего стохастическую ошибку, вызванную неравномерностью строения бумаги.

Высокая погрешность существующих методов измерений такого параметра, как масса бумаги, порождает необходимость поиска новых решений, одним из которых может стать определение плотности и массы 1 м² бумаги неразрушающим денситометрическим методом.

Нами была проведена экспериментальная работа по определению светопропускания и оптической плотности «калибровочных» образцов бумаги с применением самостоятельно подготовленной системы приборов. Результаты обработки экспериментальных данных и проведенных расчетов по методу наименьших квадратов (МНК) показали зависимость светопропускания бумаги (%) от 1 г/м² с коэффициентами корреляции 0,984–0,992 (доверительная вероятность близка к 100%).

Ход и результаты проведенного экспериментального исследования

Общеизвестно, что прозрачность и светопропускание бумаги взаимно связаны друг с другом и зависят от его состава по волокну, толщины, количества и рода наполнителей, характера помола и т.п. Светопропускание принято обозначать коэффициентом τ^4 , определяемым как отношение прошедшего через среду светового потока к световому потоку, попадающему на нее (без учета направления света):

$$(1) \quad \tau = \frac{f_{\text{прош}}}{f_{\text{полн}}},$$

где $f_{\text{прош}}$ — световой поток, прошедший через среду;

$f_{\text{полн}}$ — падающий световой поток.

Обычно вместо светопропускания определяют оптическую плотность D^5 :

$$(2) \quad D = \lg \frac{1}{\tau} = -\lg \tau, \text{ отсюда } \tau = 10^{-D}.$$

Для проведения измерений в ходе экспериментального исследования использовали следующее оборудование: люксметр цифровой СЕМ DT-1300; светодиодный источник света; лазер фиолетовый 100 мВт.

Люксметр располагали на горизонтальной поверхности, на его фотодиодный датчик непосредственно помещали листы исследуемой бумаги. Измерения производили, произвольно перемещая лист бумаги формата А4 случайным образом, минимум пять раз (в пяти точках).

Полученные значения освещенности в люксах усредняли (как среднееарифметическое измерение). Расстояние от светодиодного источника света до поверхности датчика люксметра составляло 110 мм (0,11 м). Светопропускание и оптическую плотность рассчитывали по формулам (1), (2). Результаты измерений приведены в табл. 1.

Таблица 1
Экспериментальные и расчетные значения определения светопропускания и оптической плотности «калибровочных» образцов бумаги

№ п/п	Наименование бумаги	$f_{\text{полн}}, \text{ЛК}$	$f_{\text{прош}}, \text{ЛК}$	$\tau = \frac{f_{\text{прош}}}{f_{\text{полн}}}$	$D = \lg \frac{1}{\tau} = -\lg \tau$
1	60 г/м ² , Россия, без оптического отбеливателя	880,4	267,4	0,304	0,517
2	65 г/м ² , Россия*, без оптического отбеливателя	903,0	224,0	0,248	0,606
3	80 г/м ² , Германия, с оптическим отбеливателем	889,4	201,4	0,226	0,646
4	120 г/м ² , Швеция, с оптическим отбеливателем	877,8	114,6	0,131	0,883
5	160 г/м ² , Швеция, с оптическим отбеливателем	961,2	83,5	0,087	1,060
6	200 г/м ² , 50% хлопок, Италия**, без оптического отбеливателя	903,8	117,8	0,130	0,886
7	200 г/м ² , Швеция***, с оптическим отбеливателем	896,4	70,4	0,079	1,102
8	250 г/м ² , Швеция, с оптическим отбеливателем	911,6	45,8	0,050	1,301

Примечание (здесь и далее к табл. 3):

* Данная бумага использовалась, в отличие от остальных 7 образцов, с напечатанным текстом на электрофотографическом устройстве (остальные листы бумаги были «чистыми»). Приведенные значения относятся к «чистой» и свободной от печатного текста поверхности. При измерении светопропускания на поверхности с напечатанным текстом, что логично, наблюдалось 1,5–2-кратное уменьшение светопропускания бумаги («выброс», «статистический промах»). Данный факт свидетельствует о том, что измерения по данной методике целесообразно производить на участке поверхности бумаги, свободном от печатного текста и иных реквизитов документа.

** Данная бумага была выбрана специально, как отличающаяся от всех других образцов (офисная, писчая) по типу (чертежно-рисовальная) и по составу по волокну, толщине, помолу, просвету и технологии изготовления (50% хлопкового волокна — образец №7). Причины «статистического промаха», «выброса» будут рассмотрены ниже.

*** Специально производилось исследование двух листов бумаги фирмы «4СС» (Швеция), извлеченной из нижней и верхней части одной пачки бумаги. Экспериментальные результаты измерения светопропускания «сошлись» до единиц люксов (в табл. 1 представлены усредненные по результатам пяти измерений данные для «верхнего» листа).

Толщину всех образцов бумаги измеряли также в пяти разных точках с использованием цифрового микрометра МКЦ-25 0.001. Результаты усредняли как среднеарифметическое по результатам 5 измерений.

Общеизвестно, что плотность бумаги и картона (г/см^3) определяется как отношение массы 1 м^2 к толщине бумаги:

$$(3) \quad d = 0,001 \times \frac{M}{W}, [\text{г/см}^3],$$

где — масса 1 м^2 бумаги, г; — толщина бумаги, мм.

Результаты измерений толщины образцов бумаги приведены в табл. 2.

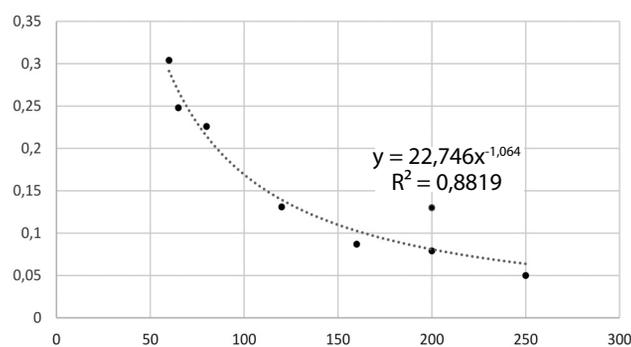
Таблица 2

Результаты измерения толщины исследуемых «калибровочных» образцов бумаги

№ п/п	Наименование бумаги	W , мм
1	60 г/м^2 , Россия	0,081
2	65 г/м^2 , Россия	0,077
3	80 г/м^2 , Германия	0,105
4	120 г/м^2 , Швеция	0,117
5	160 г/м^2 , Швеция	0,159
6	200 г/м^2 , Швеция	0,200
7	200 г/м^2 , Италия	0,324
8	250 г/м^2 , Швеция	0,254

Представленные экспериментальные и расчетные данные перенесли в среду стандартной оболочки редактора электронных таблиц «Microsoft Excel 2013» и обрабатывали с использованием встроенной функции «Построение диаграмм» по методу наименьших квадратов (МНК). Результаты обработки экспериментальных данных приведены на рис. 1–4.

Зависимость светопропускания бумаги (%) от массы 1 м^2 (г/м^2)

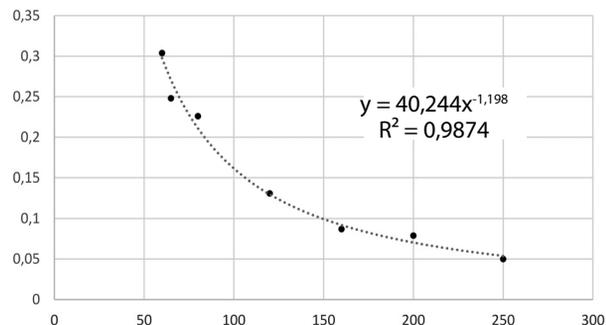

Рис. 1. Зависимость τ от массы 1 м^2 . Хорошо видно отличие в области 200 г/м^2 (точка лежит выше кривой — образец бумаги № 7). Зависимость близка к обратно пропорциональной, коэффициент корреляции $R^2=0,8819$

Представленные на рис. 1–4 графики наглядно демонстрируют, что наблюдается обратно пропорциональная зависимость светопропускания бумаги τ от ее массы 1 м^2 , а также линейная зависимость оптической плотности бумаги D от ее массы 1 м^2 (и, соответственно, плотности).

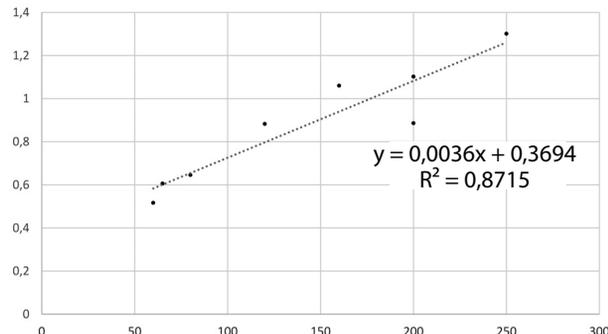
Для того чтобы «избавиться» от погрешностей, возникающих при определении массы 1 м^2 (и плотности бумаги) из-за отличий в составе бумаги по волокну, учитывали

Зависимость светопропускания бумаги (%) от массы 1 м^2 (г/м^2)

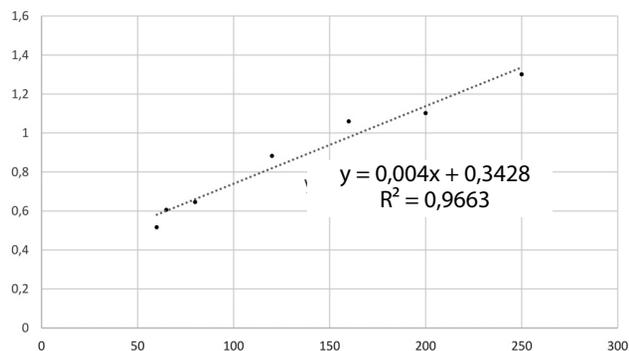
Рис. 2. Зависимость τ от массы 1 м^2 (без отличающегося по составу образца бумаги № 7). Зависимость близка к обратно пропорциональной, коэффициент корреляции $R^2 = 0,9874$

Зависимость оптической плотности бумаги от ее массы 1 м^2

Рис. 3. Зависимость D от массы 1 м^2 . Наглядно отличие в области 200 г/м^2 (точка лежит ниже кривой — образец бумаги № 7). Зависимость близка к прямо пропорциональной, коэффициент корреляции $R^2 = 0,8715$

Зависимость оптической плотности бумаги от ее массы 1 м^2

Рис. 4. Зависимость D от массы 1 м^2 (без отличающегося по составу образца бумаги № 7). Зависимость близка к прямо пропорциональной, коэффициент корреляции $R^2 = 0,9663$

Таблица 3

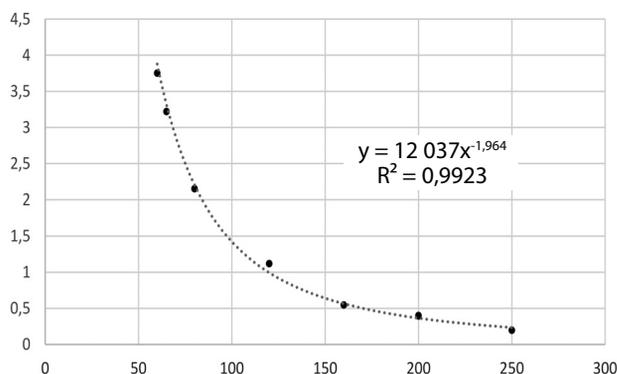
«Исправленные» (усредненные с учетом толщины бумаги) значения светопропускания и оптической плотности «калибровочных» образцов

№ п/п	Наименование бумаги	τ , безразм.	W , мм	τ/W (мм ⁻¹)	$D(W) = -\lg\left(\frac{\tau}{W}\right)$
1	60 г/м ² , Россия, без оптического отбеливателя	0,304	0,081	3,753	-0,574
2	65 г/м ² , Россия*, без оптического отбеливателя	0,248	0,077	3,221	-0,508
3	80 г/м ² , Германия, с оптическим отбеливателем	0,226	0,105	2,152	-0,333
4	120 г/м ² , Швеция, с оптическим отбеливателем	0,131	0,117	1,120	-0,049
5	160 г/м ² , Швеция, с оптическим отбеливателем	0,087	0,159	0,547	0,262
6	200 г/м ² , Швеция***, с оптическим отбеливателем	0,079	0,200	0,395	0,403
7	200 г/м ² , Италия**, без оптического отбеливателя	0,130	0,324	0,401	0,397
8	250 г/м ² , Швеция, с оптическим отбеливателем	0,050	0,254	0,197	0,706

толщину восьми образцов бумаги, для чего разделили величину экспериментального светопропускания $\tau = \frac{f_{\text{прош}}}{f_{\text{полн}}}$ из табл. 1 на толщину бумаги W , мм из табл. 2. Для полученных значений τ/W (мм⁻¹) рассчитали исправленное с учетом толщины бумаги значение оптической плотности: $D(W) = -\lg(\tau/W)$, как по формуле (2). Результаты данных расчетов приведены для удобства восприятия в табл. 3.

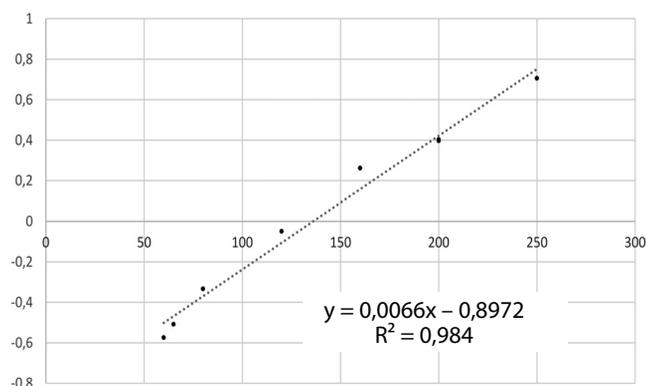
Данные табл. 3 переносили в среду стандартной оболочки редактора электронных таблиц «Microsoft Excel 2013» и обрабатывали с использованием встроенной функции «Построение диаграмм» по методу наименьших квадратов (МНК). Результаты обработки экспериментальных данных приведены на рис. 5 и 6.

Зависимость t/W (%/мм) от массы 1 м² бумаги (г/м²)

Рис. 5. Зависимость τ/W от массы 1 м². Зависимость близка к обратно квадратичной, коэффициент корреляции $R^2 = 0,9923$ (доверительная вероятность $\approx 100\%$)

Зависимость $D(W) = -\lg(t/W)$ от массы 1 м² бумаги

Рис. 6. Зависимость $D(W) = -\lg(\tau/W)$ от массы 1 м² бумаги. Зависимость близка к линейной, коэффициент корреляции $R^2 = 0,984$ (доверительная вероятность $\approx 100\%$)

Выводы по результатам экспериментального определения плотности и массы 1 м² бумаги неразрушающим денситометрическим методом:

1. Полученные значения коэффициентов корреляции значительно превышают допустимую ГОСТами точность измерения для экспертных целей 0,90–0,95. Кроме того, такой точности невозможно достигнуть при определении плотности и массы 1 м² традиционным весовым способом (для вырезов бумаги 10 × 10 мм — погрешность может составлять 24% и более).

2. Денситометрический метод является неразрушающим, что позволяет производить экспертизу материалов (бумаги) документов, представляющих особую ценность, в том числе исторических памятников.

Литература

1. Алексеева Л.М. О важности взаимодействия экспертов при производстве экспертизы документов / Л.М. Алексеева, Н.В. Старцева // Российский судья. 1999. № 2. С. 36–37.
  2. Подволоцкий И.Н. К вопросу о необходимости использования специальных знаний при осмотре документов / И.Н. Подволоцкий // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 25–28.
  3. Соклакова Н.А. Криминалистическое исследование материалов документов / Н.А. Соклакова, В.Н. Хрусталева. СПб. : Питер, 2005. 176 с.
  4. Установление вида материалов документов: учеб. пособие / под ред. В.А. Снеткова. М. : ВНИИ МВД СССР, 1987. 121 с.
  5. Шелупахин В.С. Криминалистическое исследование бумаги: учеб. пособие / В.С. Шелупахин, Р.В. Вергелес. М. : Московский университет МВД России, 2011. 88 с.
- ¹ Алексеева Л.М., Старцева Н.В. О важности взаимодействия экспертов при производстве экспертизы документов // Рос-
- сийский судья. 1999. № 2. С. 36–37 ; Подволоцкий И.Н. К вопросу о необходимости использования специальных знаний при осмотре документов // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 25–28 ; Соклакова Н.А., Хрусталева В.Н. Криминалистическое исследование материалов документов. СПб. : Питер, 2005. 176 с.
- ² Алексеева Л.М., Старцева Н.В. О важности взаимодействия экспертов при производстве экспертизы С. 36–37.
- ³ Там же. С. 86.
- ⁴ Если нас интересуют не потери, а наоборот, светопропускание среды, вне зависимости от величины падающего светового потока, удобно ввести коэффициент светопропускания: $\tau = \Phi_{vt} / \Phi_{v0}$ (Φ_{v0} — падающий на среду поток; Φ_{vt} — поток, прошедший через среду).
- ⁵ Часто приходится иметь дело со средами, для которых $\tau \ll 1$. В этом случае удобно оперировать величиной обратной коэффициенту пропускания — оптической плотностью D . Для линеаризации значений оптической плотности ее связывают с коэффициентом пропускания τ логарифмической величиной. В ГОСТ 7721-89 «Источники света для измерений цвета. Типы. Технические требования. Маркировка» приведена табл. 5, связывающая оптическую плотность D с коэффициентом пропускания τ .

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры

К вопросу о диагностике индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних потерпевших по делам о половых преступлениях*

Бубнова Ирина Сергеевна,
доцент Иркутского государственного университета,
кандидат психологических наук
irinaz-bubnova@yandex.ru

Шестеперова Елена Лукинична,
генеральный директор Байкальского центра
судебных экспертиз и графоанализа,
судебный эксперт
elena.shesteperova@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы судебно-психологической экспертизы потерпевших по делам о половых преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних. Перечислены признаки, которые могут свидетельствовать о том, что жертва не была способна понимать характер и значение совершаемых действий и оказывать сопротивление насильнику.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, жертва сексуального насилия, индивидуально-психологические особенности личности, виктимность.

The article reviews some issues of forensic and psychological examination of victims in cases on sexual crimes against minors. The authors list the attributes, which constitute evidence that the victim has been unable to understand the character and meaning of the performed actions and resist the rapist.

Keywords: forensic and psychological examination, victim of sexual assault, individual psychological peculiarities of a person, victimity.

Остройшей проблемой современного российского общества является незащищенность детей от преступных посягательств со стороны взрослых. Сегодня мы констатируем неблагоприятное положение несовершеннолетних, в том числе с точки зрения их сексуальной безопасности. Об этом свидетельствует рост числа половых преступлений в отношении малолетних и подростков, которые все чаще направляются на прохождение судебно-психологической экспертизы.

Объектом данного вида судебной экспертизы могут быть лица женского и мужского пола, пострадавшие от сексуального насилия.

Одним из квалифицирующих признаков изнасилования и насильственных действий сексуального характера является использование виновным беспомощного состояния жертвы. Речь идет о непонимании жертвой характера и значения совершаемых с нею (ним) действий, невозможности оказать сопротивление виновному из-за своего физического или психического состояния (возраста, физических недостатков, расстройств душевной деятельности или иного болезненного или бессознательного состояния и т.п.). Поэтому психолог в ходе экспертного психологического исследования должен изучить особенности формирования правосознания, жизненных ориентаций, нравственно-нормативных установок ре-

бенка и соотнести их с выделенными индивидуально-типологическими и характерологическими особенностями его личности.

Соответственно, предметом исследования эксперта-психолога будут степень осознания случившегося, степень психического стресса, особенности психологической защиты участников полового преступления, прежде всего личности жертвы. Кроме того, в компетенцию психолога входит оценка способности психически здорового потерпевшего понимать характер и значение преступных действий виновного, а также оценка способности оказывать сопротивление в зависимости от уровня психического развития, интеллектуальных способностей, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния в момент события.

При проведении судебно-психологической экспертизы малолетнего пострадавшего исследуются особенности его психического развития, имеющие значение при анализе конкретного преступления, изучаются способности адекватно воспринимать внешние обстоятельства конкретных ситуаций и понимать происходящее. В судебно-психологической экспертизе пострадавших более старшего возраста на первый план чаще выступают виктимологические проблемы.

Под виктимностью принято понимать потенциальный комплекс психофизических свойств, который обуславлива-

* On the Diagnostics of Individual Psychological Peculiarities of Minor Victims in Sexual Crime Cases
Bubnova Irina S., Assistant Professor of the Irkutsk State University, Candidate of Psychological Sciences
Shestepерova Elena L., CEO of the Baikal Center of Forensic Examinations and Graphical Analysis, Forensic Expert

ет неспособность несовершеннолетних своевременно понять сексуальную направленность действий преступника, их нравственно-этическую сущность, социальные последствия, выработать и реализовать эффективные стратегии поведения в сложившейся ситуации.

Например, Л.В. Франк определяет понятие «индивидуальной виктимности» как «потенциальную, а равно и реализованную повышенную способность стать жертвой преступного посягательства при условии, что объективно этого можно было бы избежать»¹. Схожих взглядов на природу индивидуальной виктимности придерживается Т.Б. Беляева, отмечая, что на основе личностных особенностей, которые способствуют превращению человека в жертву преступных посягательств со стороны социальной среды и окружающих людей, можно выявлять субъектов группы риска².

Психологи, изучающие те или иные аспекты виктимного поведения, подчеркивают: люди, избирающие социальную роль жертвы, сознательно или бессознательно вовлекаются в различные криминогенные ситуации с подсознательной целью получить как можно больше сочувствия и поддержки со стороны³. При этом позиция жертвы оправдывается установкой на беспомощность, нежеланием изменять собственное положение без вмешательства извне, низкой самооценкой, запуганностью, повышенной суггестивностью, готовностью к обучению виктимному поведению, усвоению виктимных стереотипов со стороны общества⁴.

Поведение потерпевшего в момент совершения преступления зависит от следующих факторов:

- а) ситуационных, которые стимулируют и управляют криминальным поведением преступника;
- б) аспектов социального обучения жертвы (имитация, ассоциация, подкрепление и др.);
- в) биологических, прежде всего от уровня психического здоровья жертвы;
- г) влияния внешней среды (стиль воспитания в семье, статус родителей, коммуникативные навыки и др.);
- д) индивидуально-психологических особенностей жертвы (уровень фрустрации, самооценки, уровень притязаний, тревожности, агрессивности, тип высшей нервной деятельности, черты характера и т.д.)⁵.

Неудивительно, что важной составляющей судебно-психологической экспертизы потерпевших по делам о половых преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, является экспериментально-психологическое исследование. Оно обеспечивает реализацию естественнонаучного, экспериментального подхода к психике человека как целостной системе при условии сочетания качественного и количественного анализа психологических данных с учетом не только измененных, но и сохраненных элементов психической деятельности подэкспертного. Как правило, при экспериментально-психологическом исследовании эксперт-психолог применяет 10–15 методик, направленных на изучение познавательной деятельности и динамики умственной работоспособности, набор ориентированных на исследование личности проективных методов, опросников.

Можно выделить следующий комплекс диагностических методик, направленных на изучение личности пострадавших, предрасполагающих к совершению над ними насилия:

- а) индивидуально-типологических характеристик личности (опросник Полищука и Верденко, тест Айзенка (детский вариант), методика «Черты характера, темперамент», адаптированная В.Л. Маришуком);
- б) индивидуально-характерологических особенностей (детские и подростковые варианты методики

Р. Кеттелла, патохарактерологический опросник Личко, опросники Айзенка);

в) оценки устойчивости к фрустрации и степени фрустрационной напряженности (методика Розенцвейга (детский и взрослый варианты) и методика Роршаха);

г) оценки способов психологической защиты личности (методики ТАТ и Роршаха);

д) выраженности ситуативной и личностной тревожности (методика САН, тест Люшера, цветоассоциативный эксперимент);

е) социально-психологического анализа типов связи между пострадавшим и насильником, а также оценки уровня психосексуальной просвещенности пострадавшего с помощью направленных бесед, цветового теста отношений (ЦТО) и материалов уголовного дела и др.⁶

Экспертное разрешение психологических вопросов, касающихся поведения жертвы, ее личностных особенностей, требует всестороннего комплексного анализа личности пострадавшего, а также тщательного психологического анализа не только текущей ситуации, но и иных периодов жизни подэкспертного. Это предполагает у эксперта-психолога наличие дополнительных знаний — процессуального закона, процедуры экспертного исследования, специфических условий предварительного следствия и судебного разбирательства.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство преступлений против половой свободы несовершеннолетних совершаются субъектами, которые связаны с потерпевшими родственными и/или другими близкими отношениями. Зачастую преступление становится конечной фазой конфликта, который возник в результате этих отношений.

Что касается индивидуально-психологической характеристики потерпевшего, эксперт должен обратить внимание на такие качества, как агрессивность, враждебность, негативизм, склонность к употреблению алкоголя, сексуальная гиперактивность, неразборчивость в выборе партнера, доверчивость. При изучении преступления на уровне индивидуально-психологических качеств пострадавший представляет интерес в той мере, в которой его характеристики вписываются в событие преступления и несут в себе заряд криминогенности.

Особое внимание при проведении СПЭ следует уделять пониманию несовершеннолетним характера сексуальных действий и их значения. Понимание характера действий посягателя предполагает, что потерпевший в состоянии правильно отразить содержательную сторону только на основе своей информированности в вопросах пола (в частности, о сущности половых взаимоотношений, формах их проявления, физиологических аспектах сексуальных отношений, деторождении, а также о социально одобряемом возрасте вступления в сексуальные контакты).

Способность несовершеннолетних потерпевших правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий М.М. Коченов раскрывал через совокупность психологических особенностей, обеспечивающих понимание сексуальной направленности действий посягателя, возможных биологических и социальных последствий этих действий, принятых в обществе нравственно-этических оценок посягательства на половую неприкосновенность, проявляющихся в конкретной ситуации конфликтного взаимодействия с посягателем⁷.

Сегодня психологи указывают на следующие признаки (являющиеся основанием для назначения судебно-психологической экспертизы), которые могут свидетельствовать, что жертва сексуального насилия не была способна понимать характер и значение совершавшихся с нею

действий и оказывать сопротивление (как правило, речь идет о поведении жертвы изнасилования)⁸.

Во-первых, данные о пассивном поведении жертвы в криминальной ситуации. Это обстоятельство нередко дезориентирует следственных и судебных работников, позволяя им предполагать, что потерпевшая от изнасилования была согласна на половой контакт (при этом, как правило, обвиняемый настаивает на том, что все произошло по обоюдному согласию). Вместе с тем экспертная практика показывает, что едва ли не в 90% случаев пассивное поведение свидетельствует о полной либо в значительной степени ослабленной способности жертвы понимать характер и значение действий посягателя и оказывать сопротивление. В первую очередь это касается несовершеннолетних⁹.

Во-вторых, отсутствие у жертвы глубоких эмоциональных реакций на случившееся. С одной стороны, это могло бы свидетельствовать о том, что у несовершеннолетнего отмечается недостаточное развитие личностной составляющей морального сознания, т.е. не сформированы отношение к существующим морально-нравственным нормам либо неприятие этих норм. Как отмечалось выше, это не может служить критерием неспособности понимать характер и значение сексуальных действий и оказывать сопротивление. Однако чаще всего это является свидетельством несформированности когнитивной составляющей морального сознания. В таком случае жертва не в состоянии полностью либо в определенной степени осознавать характер и значение действий посягателя вследствие недостаточной информированности о сексуальных взаимоотношениях и о принятых в обществе моральных нормах, регулирующих эти отношения.

В-третьих, в ходе следствия в процессе общения с пострадавшим, его/ее родителями, близкими, педагогами может возникнуть предположение относительно отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанного с психическим заболеванием.

В-четвертых, известно, что в момент сексуального насилия или в период, предшествовавший ему, жертва обнаруживала признаки соматического заболевания, которое могло существенно повлиять на способность оценивать ситуацию и оказывать активное сопротивление. Это могут быть как хроническое заболевание, его обострение, так и текущие воспалительные и прочие процессы.

В-пятых, имеются сведения о некоторых психологических особенностях жертвы (вялость, инертность, пониженная уверенность в себе, застенчивость, замкнутость и т.п.), обуславливающих легкость возникновения в экстремальных ситуациях состояний фрустрации (безвыходности), растерянности, тревоги, а также пассивные формы реагирования на насилие.

В-шестых, информация о неблагоприятных условиях воспитания несовершеннолетнего. Например, если в семье практикуется авторитарный тип отношений, систематическое подавление самостоятельности ребенка обычно приводит к снижению самооценки, неумению принимать решения в новых, необычных ситуациях и т.д. Подобные качества могут формироваться и в условиях гиперопеки со стороны родителей.

Следует кратко остановиться на проблеме соотношения способности понимать характер и значение сексуальных действий и возраста подэкспертного.

Исследования М.М. Коченова и Л.П. Кобышевой показали, что нет однозначного соответствия между этой способностью и возрастом жертвы сексуального насилия¹⁰. Так, девочка-подросток может дать согласие на сексуальные отношения с взрослым человеком (что

могло бы свидетельствовать о ее способности понимать их характер и значение), но не потому, что действительно понимает суть и значение происходящего, а вследствие того, что под воздействием взрослого подобные действия могут осознаваться неправильно, искаженно (как не представляющие опасности).

Презюмируется, если жертва сексуального посягательства не достигла восьмилетнего возраста, то в силу своего психического развития ребенок не в состоянии понимать характер и значение сексуальных взаимоотношений, несмотря на то что может иметь о них определенную информацию. Непонимание характера и значения действий посягателя полностью исключает способность оказания сопротивления. Даже когда имеются сведения о том, что ребенок, например, отталкивал насильника, царапал его и т.п. Это означает, что жертва оказывала сопротивление насилию (на что способен в силу своих возможностей даже малолетний), но отнюдь не сексуальному насилию как таковому.

С точки зрения психологии исследование индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних потерпевших ставит целью найти ответ на вопрос: почему именно этот конкретный ребенок становится жертвой преступлений, какие черты личности оказывают влияние на степень виктимности тех или иных лиц, как эти черты проявляются в обостренных и критических ситуациях, почему при одинаковых обстоятельствах одни легко становятся жертвами насильников, а других опасность обходит стороной. Также следует отметить, что для оптимизации использования психологических методов в судебной экспертизе необходимо осмыслить основные организационно-правовые, теоретические и методологические проблемы, связанные с профессиональной деятельностью судебного эксперта-психолога, поскольку ясное понимание цели психологического исследования является надежной опорой при его проведении, определяя в каждом конкретном случае методические средства ее достижения, пределы компетенции эксперта, объем и содержание проводимого исследования.

Литература

1. Беляева Т.Б. Взаимосвязь виктимности с личностными особенностями / Т.Б. Беляева // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. Т. 6. 2016. С. 19–26.
2. Бубнова И.С. Обеспечение социально-психологической безопасности образовательной среды школы посредством профилактики суицидов в период подготовки к ЕГЭ / И.С. Бубнова, А.Г. Терещенко // Казанский педагогический журнал. 2017. № 4 (123). С. 137–142.
3. Бубнова И.С. Особенности гендерной идентичности у подростков девиантного поведения / И.С. Бубнова, А.Г. Терещенко // Казанский педагогический журнал. 2017. № 2 (121). С. 166–169.
4. Енгальчев В.Ф. Практикум по судебно-психологической экспертизе : учеб.-метод. пособие / В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 286 с.
5. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу / М.М. Коченов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 116 с.
6. Медицинская и судебная психология. Курс лекций : учеб. пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 3-е изд. М. : Генезис, 2009. 606 с.
7. Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы / В.В. Нагаев. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 333 с.

8. Петрова Л.Г. К вопросу о влиянии перенесенного сексуального насилия в малолетнем или несовершеннолетнем возрасте на дальнейшее развитие личности / Л.Г. Петрова // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 16–17.
  9. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии / Л.В. Франк. Душанбе : Ирфон, 1977. 240 с.
  10. Холопова Е.Н. Использование гендерного подхода при расследовании преступлений, совершаемых женщинами / Е.Н. Холопова, Я.В. Комиссарова, А.Е. Маковеева // Эксперт-криминалист. 2017. № 2. С. 12–16.
-
- ¹ Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 97–101.
  - ² Беляева Т.Б. Взаимосвязь виктимности с личностными особенностями // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. Т. 6. 2016. С. 19–26.
  - ³ Бубнова И.С., Терещенко А.Г. Обеспечение социально-психологической безопасности образовательной среды школы посредством профилактики суицидов в период подготовки к ЕГЭ // Казанский педагогический журнал. 2017. № 4 (123). С. 137–142.
  - ⁴ Бубнова И.С., Терещенко А.Г. Особенности гендерной идентичности у подростков девиантного поведения // Казанский педагогический журнал. 2017. № 2 (121). С. 166–169.
  - ⁵ Там же.
  - ⁶ Подробно см., например: Медицинская и судебная психология. Курс лекций : учеб. пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 3-е изд. М., 2009.
  - ⁷ Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. С. 64–72.
  - ⁸ Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Практикум по судебно-психологической экспертизе : учеб.-метод. пособие. Калуга, 2013. С. 115–120.
  - ⁹ Там же.
  - ¹⁰ Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы. М., 2000. С. 39.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ» —
ЭТО ЛИДЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ
В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ, КОТОРАЯ ОБЪЕДИНЯЕТ
БОЛЕЕ 60 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
ПО РАЗНЫМ ОТРАСЛЯМ ПРАВА

Обзор методов выявления психологических признаков искажения информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства*

Васильева Ольга Александровна,

аспирант кафедры уголовного процесса,
криминалистики и правовой информатики

Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта
ovasileva39@yandex.ru

Кравцова Галина Константиновна,

эксперт-полиграфолог ООО «Центр экспертизы и правовой защиты»
zarubgal@mail.ru

Холопова Елена Николаевна,

профессор кафедры уголовного процесса,
криминалистики и правовой информатики

Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор
elchol@mail.ru

В статье представлены результаты обзора перспективных направлений выявления психологических признаков искажения информации участниками уголовного судопроизводства: системы кодирования лицевых движений, оценки валидности утверждений, мониторинга реальности, методики психологической оценки достоверности показаний, оценки искренности/неискренности говорящего человека, диагностики ложности сообщаемой информации по динамике параметров невербального поведения человека, оценки психофизического состояния человека, выявления степени неискренности ответов испытуемых с помощью неинвазивной видеорегистрации параметров движения глаз.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственные действия, искажение информации, судебная психологическая экспертиза.

The article presents results of the review of perspective means of identification of psychological attributes of information distortion by criminal proceedings participants: the facial actions coding system, statement validity evaluation, reality monitoring, method of psychological evaluation of testimony reliability, evaluation of sincerity/insincerity of the speaker, diagnostics of falseness of the given information by the non-verbal human behavior dynamics, evaluation of the psychophysiological state of a person, identification of the response insincerity degree through non-invasive video registration of eye movement parameters.

Keywords: criminal proceedings, investigative actions, information distortion, forensic psychological examination.

Для отечественной и зарубежной следственной практики разработка криминалистического обеспечения оценки и проверки криминалистически значимой информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, является необходимой и востребованной. Это обусловлено тем, что воспрепятствование расследованию осуществляется как пассивными способами (от утаивания информации в форме умолчания до отказа от дачи показаний), так и за счет активного противодействия путем сознательного создания ложной информации, маскировки и фальсификации информации и/или ее носителей. Уровень проявления активного сознательного противодействия следствию в

разных странах отличается, но для всех стран одинаковы проблемы, возникающие из-за высокого уровня лжесвидетельства: процесс расследования по уголовным делам осложняется необходимостью собирания дополнительных доказательств с целью изобличения лиц, дающих ложные показания.

При тесном взаимодействии следователей и оперативных сотрудников, грамотном использовании ими тактики и методики расследования преступлений преступник может быть задержан в короткие сроки «по горячим следам» и в ходе следственных действий сознаться в содеянном. Вместе с тем нередки случаи, когда подозреваемый или

* Review of the Methods of Identification of Psychological Attributes of Distortion of Information Given by Criminal Proceedings Participants
Vasilyeva Olga A., Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics, and Legal Informatics of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University

Kravtsova Galina K., Polygraph Examiner of Center of Expertise and Legal Protection, LLC

Kholopova Elena N., Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics, and Legal Informatics of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, Professor

обвиняемый после предоставленных им в ходе допроса и/или иного следственного действия показаний в последующем отказывается от них, мотивируя тем, что показания были даны под психологическим и/или физическим давлением. Естественно, у следствия (суда) возникает справедливый вопрос: на самом ли деле подозреваемый (обвиняемый) на начальных этапах следственных действий давал правдивые показания, а потом от них отказался с целью избежать наказания? Или все же он полностью оговорил себя под давлением со стороны сотрудников правоохранительных органов (третьих лиц)?¹

При этом как следователь, так и судья могут быть убеждены в том, что именно этот человек совершил преступление. Однако при отсутствии других доказательств, кроме признательных показаний последнего, решение о привлечении его к ответственности при наличии неустрашимых противоречий может быть не принято никогда, так как любое сомнение трактуется в пользу обвиняемого. Таким образом, перед следствием встает задача поиска новых доказательств, в том числе путем использования психологических знаний и различных прикладных методов выявления вербальных и невербальных признаков искажения сообщаемой участниками уголовного судопроизводства информации.

Постановка такого рода экспертных задач требует от эксперта-психолога нестандартного подхода, применения последних научных достижений психологической науки, а также разработки новых (исследовательских) экспертных методик и технологий. Однако на фоне противостояния различных научных школ апробация и внедрение в экспертную и следственную практику новых экспертных методик сегодня сопряжены с определенными трудностями. Так, например, наблюдается крайне негативное отношение к новым экспертным методикам, разработанным вне государственных судебно-экспертных учреждений, вплоть до объявления их лженаучными, а негосударственных экспертов — псевдоэкспертами².

Результаты исследования зарубежных и отечественных научных источников позволяют выделить два основных направления (подхода) к выявлению скрываемой и/или искажаемой информации, которые активно внедряются в практику и используются как экспертами-психологами, так и сотрудниками полиции, службами безопасности предприятий, частными детективами и др.

1. Инструментальная детекция лжи, которая связана с использованием прежде всего компьютерного полиграфа, а также и иных приборов и средств проверки достоверности информации с применением видеофиксации.

2. Неинструментальная детекция лжи, в основе которой лежит психологическая оценка вербальных и невербальных параметров, позволяющих устанавливать информационно-смысловое содержание высказываний субъекта.

Дадим краткую характеристику наиболее известным из них.

Система кодирования лицевых движений (англ. — *Facial Action Coding System, FACS*). Данный метод основан на выделении универсальных мимических проявлений, сопровождающих основные базовые эмоции: печаль, гнев, удивление, страх, отвращение, презрение, радость. Понимание того, в какой ситуации и при сообщении какой именно информации возникает та или иная базовая эмоция, позволяет провести качественный анализ поведенческих и эмоциональных проявлений при сообщении различных сведений. Сама по себе система дифференциации признаков эмоций не является алгоритмом по выявлению обмана, а выступает лишь инструментом для декодирования сообщения, в связи с чем FACS следует относить к вспомогательным технологиям.

Недостатки данного метода заключаются в том, что при его использовании для достижения максимальной

точности необходимо участие нескольких специалистов, прошедших специальную подготовку, так как на практике в ходе оценки эмоций и интерпретации тех или иных мимических проявлений нередко возникают противоречия субъективного характера. Кроме того, от специалистов требуются высокая концентрация внимания и скрупулезность, что сопряжено с излишней трудоемкостью процесса и большими затратами времени.

Оценка валидности утверждений (англ. — *Criteria-Based Statement Analysis, CBSA*). Методика разработана в конце 80-х годов прошлого века М. Стеллером и Г. Кенне-нем на основе гипотезы известного немецкого психолога У. Ундойча, суть которой состоит в том, что *показания участников уголовного процесса, основанные на воспоминаниях о реально произошедшем событии, содержательно отличаются от сфабрикованных, вымышленных утверждений или основанных на заблуждении*. Методика предусматривает проведение структурированного интервью; контент-анализ на основании установленных критериев (КАУК), позволяющий придерживаться определенной схемы, оценить содержательные и качественные характеристики рассматриваемого утверждения; оценку КАУК с помощью ряда вопросов.

Исследования группы испанских ученых (2015) показали, что применение критериев CBSA в лабораторных условиях обладает меньшими возможностями дифференциации, чем полевые: «...уровень ошибки... в некоторых полевых исследованиях составлял лишь 10%»³. Это доказывает возможность распространения результатов лабораторных экспериментов на ситуацию проведения психологической судебной экспертизы⁴.

В настоящее время результаты исследования по указанной методике принимаются судами Германии, Нидерландов, Канады, США⁵. Имеются опубликованные данные, в том числе и в нашей стране, посвященные применению этой методики с целью психологической оценки показаний подозреваемых и обвиняемых⁶.

Мониторинг реальности (англ. — *Reality Monitoring*). В 1981 г. М. Джонсон и К. Рэйи предложили рабочую модель мониторинга реальности, содержащую восемь позиций (так называемый список Спорера), с помощью которых можно найти различия между воспоминаниями, связанными с мыслительной деятельностью, и воспоминаниями, основанными на реальном восприятии⁷. Относительно точности данного метода проведены и опубликованы результаты большого числа исследований, подтверждающих, что мониторинг реальности можно применять для детекции как правды, так и лжи⁸.

Научный контент-анализ (англ. — *SCAN*). Метод SCAN, разработанный А. Сапиром, основывается в большей мере не на наблюдении за невербальными проявлениями, а на анализе заявления (устного рассказа, письменных пояснений). Основная идея заключается в том, что структура и содержание заявления субъекта позволяют выявить, есть ли попытка обмана. Если субъект пытается ввести в заблуждение, он должен суметь не только скрыть важные детали, но также хорошо увязать с ними и другие обстоятельства дела, чтобы его версия соответствовала известным фактам. Данный интеллектуальный процесс часто оставляет «следы», что приводит к несоответствиям между утверждениями или появлению пробелов в изложении. Поэтому в ходе исследования по методике SCAN делается акцент на признаках достоверности и недостоверности, которые разбиты на семь категорий. Для этого разработан алгоритм действий: подозреваемому предлагается в письменном виде подробно изложить, что он знает о произошедшем инциденте и как он это может объяснить. Как правило, в правдивом письменном заявлении 20% от всего текста составляет описание того, что происходило до инцидента, 50% — сам инцидент, и 30% — что происходило после. Дан-

ное процентное соотношение объясняется тем, что в ситуации, когда человек действительно является причастным к инциденту, он неосознанно стремится больше внимания уделять тому, что происходило до и после инцидента, а сам инцидент излагает схематично, пытаясь скрыть свою причастность.

В результате научных исследований методика SCAN была признана достаточно эффективным средством оценки достоверности сообщаемой информации и активно применяется правоохранительными органами и разведывательными агентствами по всему миру⁹. Важно, что SCAN является кросс-культурным методом, поэтому специалист может провести анализ на любом языке, который он понимает.

Методика психологической оценки достоверности показаний в юридической практике сравнительно недавно была разработана В.А. Шаповаловым с целью проведения психологического анализа следственного действия, зафиксированного на видеозаписи¹⁰. В основе данной методики, как и в ситуации с методикой CBSA, лежит гипотеза У. Ундойча. Кроме того, при разработке рассматриваемой методики В.А. Шаповалов исходил из того, что создание лжи требует от субъекта больше энергии, больше когнитивных усилий, больше творчества и самообладания, чем изложение того, что произошло в действительности, и это непременно в том или ином качестве отражается на особенностях изложения сведений и их содержании. Таким образом, изложение реально пережитого события и рассказ о вымышленном событии в своей основе имеют различные текстообразующие закономерности, выявление которых с высокой долей вероятности позволяет судить о ложности или правдивости сообщаемых сведений.

Методика состоит из комплекса специальных процедур, разработанных для психологического исследования вербальных и невербальных проявлений субъекта при проведении допроса, следственного эксперимента и других следственных действий, зафиксированных на видеозаписи. Каждая из процедур направлена на выявление конкретных текстообразующих закономерностей. Исследование с помощью указанной методики наиболее целесообразно проводить в случаях, когда на начальных этапах следственных действий допрашиваемый давал признательные показания, а потом отказывался от них, мотивируя тем, что в ходе следствия на него оказывалось недопустимое психологическое и физическое воздействие, в результате которого он оговорил себя. Методика психологической оценки достоверности показаний в юридической практике применяется психологами при проведении как психологических исследований, так и судебно-психологических экспертиз по уголовным делам¹¹.

Способ оценки искренности — неискренности говорящего человека запатентован Владимиром Петровичем и Петром Владимировичем Морозовыми (патент РФ № 2293518 А61В5/16)¹².

Метод (способ) представляет собой визуальную психодиагностику по видеозаписи с целью оценки эмоционально-психологического состояния и свойств изучаемого человека по параметрам вербальных и невербальных компонентов экспрессивной речи: оценка голоса на основании интонационно-тембровых, темпо-ритмических особенностей голоса, громкости звука и их изменений во времени (динамике); оценка поведенческих особенностей на основании наблюдения за мимикой, жестикуляцией, позой и их изменений во времени (динамике) в контексте речи. Метод подразумевает трехкратную оценку компонентов экспрессивной речи и основан на усредненных показателях с применением поправочных коэффициентов.

К недостаткам использования данного метода следует отнести то, что несколько специалистов при интерпретации тех или иных вербальных и/или невербальных про-

явлений могут разойтись во мнениях, что придает исследовательскому процессу субъективный характер. Он также трудоемок, поскольку требует многократных просмотров и прослушиваний видеозаписи.

Способ диагностики ложности сообщаемой информации по динамике параметров невербального поведения человека запатентован Н.М. Романовой, М.А. Самохиной, В.В. Семёновым, Л.Н. Ивановым (патент РФ № 2415645 МПК А61В005/16)¹³.

Структурированное интервью документируется при помощи видеозаписи, на которой отслеживают текущее реагирование по каждому определенному параметру с помощью 17 показателей, охватывающих три группы параметров: вегетативные реакции, мимические (лицевые) реакции, пантомимические (жестикуляция, движения головой, корпусом, ногами) реакции при ответах на «проверочные вопросы». При обработке результатов подразумеваются два основных варианта — правдиво/ложно.

Недостатком данного метода является отсутствие вариативности результатов, когда подразумевается только один из двух возможных конечных вариантов без учета индивидуально-психологических особенностей личности.

Способ оценки психофизического состояния человека, выявление степени неискренности ответов испытуемых с помощью неинвазивной видеорегистрации параметров движения глаз испытуемых запатентованы Д.А. Сановым, Н.М. Романовой, А.В. Скрипаль, А.П. Рытик, А.Ю. Вагариным, М.А. Самохиной (патенты РФ № 2337607 МПК А61В 5/16 А61В 3/113, № 2203611 МПК А61В 5/00)¹⁴.

Суть данного метода состоит в том, что в момент ответов на те или иные вопросы, представляющие для обследуемого различную ситуационную значимость, с помощью специального устройства по данным видеоокулографии осуществляется неинвазивная видеорегистрация параметров движений глаз человека (диаметра зрачка, числа актов моргания) и площадь фигуры, построенной по точкам максимального отклонения центра глаз от видимого среднего положения. Метод позволяет определять ответы, при которых имело место изменение диаметра зрачка, увеличение числа актов моргания и площади фигуры, что позволяет делать вывод об эмоционально-психофизическом возбуждении и устанавливать группу ответов с наибольшей количественной разницей между истиной и предполагаемой ложью. По мнению разработчиков, этот метод может быть использован для диагностики функционального состояния человека, для оценки психоэмоционального состояния, а также в следственной и судебной деятельности для изучения достоверности показаний подозреваемых, свидетелей, потерпевших.

Надо отметить, что инструментальная технология установления признаков привлечения повышенного внимания к определенному вопросу посредством анализа движений глаз в целях обнаружения обмана при предъявлении на экране монитора компьютера различных вопросов в мире достаточно широко известна¹⁵.

В настоящее время метод видеоокулографии (айтрекинг) используют в Следственном комитете РФ в целях выявления скрываемой информации в ходе психофизиологического обследования кандидатов на службу и сотрудников в сочетании с проверкой на полиграфе¹⁶.

Суть процедуры состоит в следующем. Обследуемому на экране монитора предъявляют перечень вопросов, который также используется и полиграфологом в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа. Одновременно с предъявлением вопросов и ответов на них установленная под экраном монитора видеокамера фиксирует изменения диаметра зрачков, темпа морганий, фиксации взгляда и т.п. С помощью аппаратуры на осно-

ве дисперсионного анализа осуществляется выделение информативных признаков, позволяющих в совокупности дать ответ на вопрос о степени искажения обследуемым лицом сообщаемой информации.

По результатам проведенных экспертами Следственного комитета РФ исследований в ходе кадровых проверок ими было установлено, что совпадение результатов, полученных как на полиграфе, так и на айтрекере, достигает 80% в зависимости от тематики скрываемой обследуемым лицом информации (злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков, совершение уголовно наказуемых деяний и т.д.)¹⁷.

В заключение надо сказать, что на практике результаты, полученные с помощью любого из вышеуказанных методов, не всегда можно трактовать однозначно. Как справедливо считают психологи, за вербальными и/или невербальными проявлениями у виновных и невиновных в совершении преступления лиц могут стоять факторы различного порядка, в том числе не имеющие никакого отношения к поведению заподозренных во лжи. Поэтому изложенное свидетельствует в пользу комплексного использования нескольких психологических методов и методик с целью диагностики информационного состояния участника уголовного процесса.

Эксперт не должен ограничиваться узким набором средств, поскольку методология экспертного исследования (в широком смысле слова) — не сумма отдельных методов, а сложная, динамичная, целостная, субординированная система способов, приемов, методов, направленных на решение конкретных экспертных задач.

Литература

1. Волохова Л.А. Производство судебных психологических экспертиз видеозаписей оперативных и следственных действий (по материалам обобщения экспертной практики) / Л.А. Волохова, Т.Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 88–97.
2. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. М.: Наука, 1989. 400 с.
3. Дозорцева Е.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних / Е.Г. Дозорцева, А.Г. Афанасьева // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 47–53.
4. Енгальчев В.Ф. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): монография / В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова, Е.Н. Холопова. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
5. Жбанкова О.В. Использование метода видеоокулографии (айтрекинга) для выявления скрываемой информации / О.В. Жбанкова, В.Б. Гусев // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конференции 22–23 сентября 2016 г. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016. С. 102–105.
6. Образцов В.А. Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации: науч.-метод. пособие / В.А. Образцов, Н.В. Кручинина. М.: Правовое поле; Книжная лавка, 2002. 160 с.
7. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. М.: Юрист, 2009. 175 с.
8. Смирнова С.А. Актуальные проблемы закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / С.А. Смирнова, Г.Г. Омелянюк, А.И. Усов // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 26–35.
9. Фрай О. Детекция лжи и обмана / О. Фрай. СПб.: Прайм-Еврознак; Издат. дом «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2005. 320 с.
10. Хамзин С.Р. Проверка достоверности предоставляемой информации при помощи регистрации психофизиологических реакций и реакций глазодвигательного аппарата человека / С.Р. Хамзин // Эксперт-криминалист. 2017. № 2. С. 36–39.
11. Холевич А.Г. Использование современных информационных технологий для проверки достоверности информации в процессе расследования преступлений: опыт США / А.Г. Холевич // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2 (31). С. 231–241.
12. Шаповалов В.А. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации: метод. пособие. Киев: Освита Украины, 2016. 168 с.
13. Hartwig M. Lie Detection from Multiple Cues. Applied Cognitive Psychology / C.F. [JR] Bond. 2014. Т. 28, № 5. С. 661–676.
14. Hacker D.J. et al. Detection deception using ocular metrics during reading. In D.C. Raskin, C.R. Honts, & J.C. Kircher (Eds.). Credibility assessment: Scientific research and applications. Elsevier, 2014. P. 161–210.
15. Kircher J. Deception detection using oculomotor movements / A. Cook, D. Hacker. US Patent Application Publication № 2010/0324454 A 1 Pub. Data: Dec. 23 2010. 21 p.
1. Волохова Л.А., Секераж Т.Н. Производство судебных психологических экспертиз видеозаписей оперативных и следственных действий (по материалам обобщения экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 88–97; Шаповалов В.А. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации: метод. пособие. Киев: Освита Украины, 2016. 168 с.
2. Волохова Л.А., Секераж Т.Н. Производство судебных психологических экспертиз видеозаписей оперативных и следственных действий (по материалам обобщения экспертной практики) С. 88–97; Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 47–53; Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Актуальные проблемы закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 26–35.
3. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних. С. 47–53.
4. Hartwig M. Lie Detection from Multiple Cues. Applied Cognitive Psychology / C.F. [JR] Bond. 2014. Т. 28. № 5. С. 661–676.
5. Шаповалов В.А. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации. С. 16.
6. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних. С. 47–53; Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.; Образцов В.А. Кручинина Н.В. Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации: науч.-метод. пособие. М.: Правовое поле; Книжная лавка, 2002. 160 с.; Холевич А.Г. Использование современных информационных технологий для проверки достоверности информации в процессе расследования преступлений: опыт США // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2 (31). С. 231–241; Шаповалов В.А. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации.
7. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. 175 с.

- ⁸ Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий). С. 202–210 ; Шаповалов В.А. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации. С. 23.
- ⁹ Шаповалов В.А. Методы психологической оценки достоверности сообщаемой информации. С. 25.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 54.
- ¹² URL: <http://bd.patent.su/2293000-2293999/pat/servl/servletdd23.html> (дата обращения: 27.02.2018).
- ¹³ URL: <http://www.findpatent.ru/patent/241/2415645.html> (дата обращения: 27.02.2018).
- ¹⁴ URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/1893.pdf (дата обращения: 27.02.2018).
- ¹⁵ Хамзин С.Р. Проверка достоверности предоставляемой информации при помощи регистрации психофизиологических реакций и реакций глазодвигательного аппарата человека // Эксперт-криминалист. 2017. № 2. С. 36–39 ; Hacker D.J. et al. Detection deception using ocular metrics during reading. In D.C. Raskin, C.R. Honts, & J.C. Kircher (Eds.), *Credibility assessment: Scientific research and applications*. Elsevier, 2014. P. 161–210 ; Kircher J. Deception detection using oculomotor movements / A. Cook, D. Hacker. US Patent Application Publication № 2010/0324454 A 1 Pub. Data: Dec. 23 2010. 21 p.
- ¹⁶ Жбанкова О.В., Гусев В.Б. Использование метода видеоокулографии (айтре-кинга) для выявления скрываемой информации // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития : сб. статей Междунар. науч.-практич. конференции 22–23 сентября 2016 г. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016. С. 102–105.
- ¹⁷ Там же. С. 104.

Некоторые проблемы экспертной деятельности при государственных закупках*

Исютин-Федотков Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры криминалистики
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
dima-isytin@ya.ru

В статье поднимается вопрос о необходимости изменения нормативного регулирования экспертной деятельности при государственных (муниципальных) закупках. Правоприменительная практика требует совершенствования механизма назначения и проведения экспертизы для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактом, в части их соответствия условиям контракта. Цель изменений — предотвращение хищений в сфере государственных (муниципальных) закупок.

Ключевые слова: экспертиза, государственные (муниципальные) закупки, предотвращение хищений.

The article raises the issue of the need to change statutory regulation of expert activities in state (municipal) procurements. The law enforcement practice requires improvement of the mechanism of appointment and carrying out of an examination for verification of the agreement stipulated results submitted by the supplier (contractor, provider) as to their compliance with the agreement terms and conditions. The aim of the changes is prevention of embezzlement in state (municipal) procurements.

Keywords: examination, state (municipal) procurements, prevention of embezzlement.

В настоящее время проведение экспертизы при государственных (муниципальных) закупках регламентируется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ). В соответствии с указанным законом для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактом, в части их соответствия условиям контракта заказчик обязан провести экспертизу. Экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, может проводиться заказчиком своими силами, к ее проведению могут при-

влекаться эксперты, экспертные организации на основании контрактов, заключенных в соответствии с Законом № 44-ФЗ.

В октябре 2017 г. Министерство юстиции Российской Федерации на своем официальном сайте объявило, что ведомством разрабатывается законопроект, согласно которому предполагается установить в сфере государственных (муниципальных) закупок:

- единые требования к оформлению результатов экспертизы, проводимой экспертом, экспертной организацией;
- требование о том, что экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, проводимая заказчиком своими

* Some Issues of Expert Activities in State Procurements

Isyutin-Fedotkov Dmitry V., Assistant Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

силами, подписывается уполномоченным лицом заказчика;

— правило о том, что экспертиза должна быть объективной, обоснованной и соответствовать законодательству Российской Федерации;

— уголовную и административную ответственность за заведомо ложное заключение эксперта.

По мнению Минюста России, законопроект направлен на предотвращение хищений в сфере государственных (муниципальных) закупок¹. Действительно, в настоящее время в сфере публичных закупок совершается большое количество правонарушений², в том числе связанных с хищениями денежных средств.

Кроме проблем, обозначенных Минюстом России, экспертная деятельность в сфере государственных (муниципальных) закупок нуждается в совершенствовании также по другим направлениям, для чего в законодательстве необходимо установить требования к лицам, отбираемым в качестве экспертов (требования к экспертным организациям); прозрачный порядок отбора заказчиками экспертов и экспертных организаций.

Таким образом, в настоящее время можно перечислить ключевые проблемы экспертной деятельности в сфере государственных (муниципальных) закупок и обозначить некоторые пути их решения путем частичного заимствования норм, касающихся проведения экспертизы в гражданском, уголовном судопроизводстве, при производстве по делам об административных правонарушениях:

1. Отсутствие принципов экспертной деятельности.

В ст. 4–8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон № 73-ФЗ) указаны основные принципы судебно-экспертной деятельности. Очевидно, что экспертная деятельность при государственных закупках не просто должна быть объективной, обоснованной и соответствовать законодательству, а основываться на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

2. Неэффективный порядок отбора экспертных организаций заказчиками.

В настоящее время отбор экспертной организации осуществляется заказчиком по результатам конкурса с возможностью применения субъективных критериев оценки со значимостью до 70%. Прием и оплата услуг эксперта осуществляются заказчиком по общим правилам приема результатов исполненного контракта, а значит, по мнению Федеральной антимонопольной службы России (далее — ФАС), принимается только «нужный» заказчику результат³. На наш взгляд, решение проблемы связано с максимальным уточнением и конкретизацией субъективных критериев конкурса. Нет сомнений, что такими критериями должны быть опыт экспертов и их квалификация. Положительную роль в решении этой проблемы сыграет также введение ответственности за заведомо ложное заключение.

3. Отсутствие требований к экспертам и экспертным организациям.

Применительно к экспертам и экспертным организациям законодательство о государственных (муниципальных) закупках устанавливает общие требования о наличии у них специальных познаний, опыта, квалификации в области науки, техники, искусства или ремесла (п. 15 ст. 3 Закона № 44-ФЗ). В литературе на этот счет высказано интересное мнение о том, что Закон № 44-ФЗ, декларируя принцип профессионализма в государственных (муниципальных) закупках, необоснованно сузил круг субъектов, на которых распространяется действие данного принципа⁴.

Думается, что требования к экспертам и экспертным организациям, установленные ст. 11–13 Закона № 73-ФЗ, могут быть распространены на экспертов при проведении государственных закупок.

4. Отсутствие единых требований к оформлению результатов экспертизы проводимой экспертом, экспертной организацией.

Правоприменительная практика нуждается в решении такой проблемы, как одностороннее расторжение контрактов по инициативе заказчика, в том числе на основании экспертного заключения. На эту проблему указывает, например, ФАС⁵. Дело в том, что Закон № 44-ФЗ устанавливает право заказчика принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом РФ для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств, при условии, если это было предусмотрено контрактом (ч. 9 ст. 95 Закона № 44-ФЗ). При этом каждый заказчик вправе самостоятельно определить основания для одностороннего расторжения контракта, а также расторгнуть контракт на основании результатов проведенной экспертизы поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги. В случае одностороннего расторжения контракта сведения о поставщике (подрядчике, исполнителе) подлежат включению в реестр недобросовестных поставщиков (далее — РНП).

В указанной проблеме заложен риск увеличения коррупции на стадии исполнения контракта. Это связано с тем, что у заказчика появляется возможность оказывать давление на исполнителя по контракту посредством угрозы одностороннего расторжения контракта и включения сведений о нем в РНП. По мнению ФАС, проблемная ситуация детерминирована тем, что Закон № 44-ФЗ не содержит требований к лицам, отбираемым в качестве экспертов, экспертной организации⁶.

На наш взгляд, проблема может быть решена заимствованием требований к оформлению результатов экспертизы, проводимой экспертом (экспертной организацией), установленных в ст. 25 Закона № 73-ФЗ.

5. Отсутствие обязательного требования о том, что экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, проводимая заказчиком своими силами, подписывается уполномоченным лицом заказчика.

Данная проблема отчасти связана с отсутствием единых требований к оформлению результатов экспертизы.

Так, Т.П. Демидова полагает, что экспертизу своими силами можно считать проведенной, составив акт об исполнении условий контракта⁷.

Другого мнения придерживается К.Г. Чагин, который считает, что при проведении экспертизы собственными силами требуется оформление заключения в виде отдельного документа. Акт сдачи-приемки — самостоятельный документ. Он не может заменить заключение о результатах экспертизы. Заключение должно оформляться заказчиком отдельно, так как именно оно служит основанием для подписания (или отказа от подписания) акта сдачи-приемки. Установленной формы заключения не существует. Поэтому оформлять его можно произвольно⁸.

С точки зрения С.В. Паскарь, оформление отдельного заключения рекомендуется в случае, если в состав приемочной комиссии не включен сотрудник, обладающий необходимыми познаниями, опытом и квалификацией либо приемочная комиссия не назначалась. По мнению С.В. Паскарь, акт приемки может являться документом, подтверждающим проведение экспертизы и ее результаты, при условии, что приемочной комиссии было поручено проведение такой экспертизы и при наличии у членов комиссии специальных познаний, опыта и квалификации, необходимых для экспертизы. В противном случае требуется осуществление экспертизы уполномоченными лицами с составлением заключения⁹.

Мы полагаем, если экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, проводится заказчиком своими силами, необходимо составлять заключение по форме и требованиям, установленным в ст. 25 Закона № 73-ФЗ. При этом такое заключение следует подписывать уполномоченным лицам заказчика, несущим ответственность за заведомо ложное заключение экспертизы.

6. Отсутствие уголовной и административной ответственности за заведомо ложное заключение эксперта в сфере государственных (муниципальных) закупок.

Необходимость введения уголовной и административной ответственности за заведомо ложное заключение эксперта при государственных (муниципальных) закупках связана с тем, что в ч. 7 ст. 41 Закона № 44-ФЗ установлена ответственность эксперта (экспертной организации, должностных лиц экспертной организации) за предоставление недостоверных результатов экспертизы, экспертного заключения или заведомо ложного экспертного заключения, а также за невыполнение экспертом, экспертной организацией требования о направлении уведомления о допустимости своего участия в проведении экспертизы. Однако ст. 17.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 307 Уголовного кодекса РФ предусматривают ответственность экспертов только при производстве по делу об административном правонарушении или при исполнительном производстве, а также при производстве предварительного расследования. То есть норма об ответственности в Законе № 44-ФЗ не получила дальнейшего применения в конкретной отрасли.

В заключение следует отметить, что совершенствование норм законодательства о государственных (муниципальных) закупках, касающихся экспертной деятельности, должно способствовать предотвращению хищений. В то же время необходим целый комплекс мероприятий, направленных на формирование законопослушного поведения должностных лиц, задействованных в указанной сфере деятельности.

Литература

1. Гапанович А.В. Профессионализм заказчика как принцип контрактной системы в сфере закупок / А.В. Гапанович // Юрист. 2014. № 12. С. 16–20.
2. Исютин-Федотков Д.В. Об устранении причин и условий правонарушений в корпоративных за-

купках / Д.В. Исютин-Федотков // Юрист. 2017. № 7. С. 34–37.

3. Паскарь С.В. Методика проведения экспертизы, осуществляемой в военных организациях в ходе государственных закупок / С.В. Паскарь // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 10. С. 71–78.
4. Тухватуллин Т.А. Нарушения Закона № 223-ФЗ. Что выявляют прокуратуры / Т.А. Тухватуллин // Госзакупки.ру. 2016. № 4. С. 1.
5. Чагин К.Г. Отдельные практические аспекты применения федерального законодательства о контрактной системе / К.Г. Чагин // Руководитель бюджетной организации. 2014. № 5. С. 33–38.

¹ Разрабатывается законопроект, направленный на предотвращение хищений при покупке товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/razrabatyvaetsya-zakonoproekt-napravlennyy-na-predotvrashchenie-hishcheniy-pri-zakupke> (дата обращения: 04.03.2018).

² См., например: Тухватуллин Т.А. Нарушения Закона № 223-ФЗ. Что выявляют прокуратуры // Госзакупки.ру. 2016. № 4. С. 1 ; Исютин-Федотков Д.В. Об устранении причин и условий правонарушений в корпоративных закупках // Юрист. 2017. № 7. С. 34–37 и др.

³ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год. Федеральная антимонопольная служба России [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/about/list-of-reports/report.html?id=1720> (дата обращения: 04.03.2018).

⁴ Гапанович А.В. Профессионализм заказчика как принцип контрактной системы в сфере закупок // Юрист. 2014. № 12. С. 16–20.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Контрактная система: взгляд контролирующего органа (интервью с Т.П. Демидовой, начальником управления контроля размещения государственного заказа ФАС России). [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/law/interview/demidova (дата обращения: 06.03.2018).

⁸ Чагин К.Г. Отдельные практические аспекты применения федерального законодательства о контрактной системе // Руководитель бюджетной организации. 2014. № 5. С. 33–38.

⁹ Паскарь С.В. Методика проведения экспертизы, осуществляемой в военных организациях в ходе государственных закупок // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 10. С. 71–78.

Заключение специалиста («рецензия»): позиция суда и практика применения*

Першин Александр Николаевич,
научный консультант группы компаний
«Лаборатория Экспертных Исследований»,
доктор юридических наук, доцент
pershin75@mail.ru

Романов Евгений Юрьевич,
руководитель группы компаний
«Лаборатория Экспертных Исследований»
E.Y.Romanov@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о допустимости использования заключения специалиста при оценке заключения эксперта в судопроизводстве. Позиция Верховного Суда РФ позволяет заключение специалиста, составленное по итогам «рецензирования» заключения эксперта, в гражданском и арбитражном процессе считать мотивированным объяснением стороны по вопросу качества проведенной экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, оценка доказательств, рецензия, заключение специалиста.

The article reviews the issue of admissibility of using a specialist's opinion in assessment of an expert's statement in judicial proceedings. The position of the Supreme Court of the Russian Federation permits acknowledging a specialist's opinion made following the results of the expert's statement review, as a substantiated explanation of the party on the issue of the performed examination quality in civil and arbitration procedure.

Keywords: forensic examination, evidence evaluation, review, specialist's opinion.

Деятельность по оценке допустимости и достоверности заключения эксперта всегда вызывала определенные затруднения у участников судопроизводства. Изложенные в заключении эксперта сведения имеют исключительно специальный характер, а потому не всегда понимаемы и объективно проверяемы инициатором проведения экспертизы, а также иными заинтересованными лицами. В целях разъяснения или дополнения заключения эксперта может быть вызван на допрос (ст. 25.9 КоАП РФ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 86 АПК РФ, ст. 282 УПК РФ). Допрос эксперта проводят те же участники судопроизводства, у которых отсутствуют специальные познания в области оцениваемой экспертизы.

Сегодня в России получила распространение практика привлечения к оценке заключения эксперта специалиста как независимого сведущего лица, который готовит «рецензию» и оформляет ее в виде заключения специалиста. По мнению А.Н. Петрухиной, «заключение специалиста может быть использовано в целях оказания помощи следователю (дознавателю), суду для объективной и правильной оценки результатов судебной экспертизы»; «противоречие суждений специалиста и выводов эксперта может явиться основанием для назначения повторной экспертизы»¹.

Законодатель применительно к уголовно-процессуальной деятельности разъяснил, что заключение специалиста — это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ст. 80 УПК РФ). Согласно п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключение и показания специалиста являются доказательством по уголовному делу. Пленум Верховного Суда РФ в п. 20 Постановления от 21 декабря 2010 г. № 28

«О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее — Постановление) обращает внимание судов на то, что заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, так же как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу.

Заключение специалиста подлежит обязательной оценке дознавателем, следователем, прокурором и судом с точки зрения относимости, допустимости и достоверности (ст. 88 УПК РФ). При этом Пленум Верховного Суда РФ в указанном выше постановлении обратил внимание судов, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами.

В гражданском и арбитражном процессах к заключению специалиста («рецензии»), в котором дается научно-методический анализ состоятельности заключения эксперта, отношение не такое однозначное, как в уголовном судопроизводстве. На практике нередки случаи отклонения судом ходатайства стороны о приобщении к материалам дела заключения специалиста («рецензии»), где обоснованность и достоверность выводов эксперта ставятся под сомнение². Судебные инстанции исходят из того, что форма и содержание заключения специалиста не соответствуют требованиям действующего законодательства; специалист не был предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложного заключения; заключение получено вне рамок судебного разбирательства и т.п. Заключение специалиста признается не соответствующим критериям относимости и допустимости доказательств, предусмотр-

* A Specialist's Opinion (Review): the Court Position and the Application Practice
Pershin Aleksandr N., Scientific Consultant of the Expert Research Laboratory Group of Companies, Doctor of Law, Assistant Professor
Romanov Evgeny Yu., CEO of the Expert Research Laboratory Group of Companies

ренных ст. 59, 60 ГПК РФ и 67, 68 АПК РФ, и не исследуется судом.

Такая позиция не бесосновательна, поскольку в гражданском и арбитражном процессах «заключения специалиста» среди доказательств нет. В то же время закон выделил такую самостоятельную форму использования специальных знаний, как консультация специалиста (ст. 188 ГПК РФ, ст. 87.1 АПК РФ). К примеру, в ч. 1 ст. 87.1 АПК РФ сказано, что «в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого арбитражным судом спора, арбитражный суд может привлекать специалиста».

Консультационная помощь специалиста, безусловно, может быть полезна суду при оценке заключения эксперта. Однако мы считаем, что проверка специалистом качества представленного в суд заключения эксперта на высоком профессиональном уровне в рамках консультации в зале суда не представляется возможной. Для всестороннего и полного критического анализа специалисту необходимо тщательно изучить изложенные в заключении сведения о квалификации эксперта; соответствие избранных экспертом методик объектам и задачам исследования; соблюдение правил проведения исследования на всех этапах и возможность получения при этом заявленных результатов; правильность интерпретации полученных данных в резолютивной части заключения; соответствие сформулированных выводов ходу и результатам исследования.

Учитывая неоднозначность норм уголовного, гражданского и арбитражного процессуального законодательства, научная полемика относительно содержания и значения заключения специалиста не утихает³. Например, М.В. Жижиной было высказано, на наш взгляд, обоснованное мнение о целесообразности использования заключения специалиста в качестве «рецензии» в гражданском и арбитражном судопроизводстве, разработаны требования к его содержанию, а также рекомендации в части оценки судом⁴.

Прецедент использования заключения специалиста (как «рецензии» заключения эксперта) в арбитражном процессе создал Верховный Суд РФ. Поводом стало обращение ООО «Энергоучет» в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой на Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2017 г. и Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 мая 2017 г. по делу № А40-73410/2015 Арбитражного суда города Москвы. В жалобе указывалось, что при оценке экспертного заключения суд апелляционной инстанции необоснованно отказал в приобщении к материалам дела заключения специалистов, опровергающего выводы судебной экспертизы и содержащего подробный анализ экспертного заключения. По мнению подателя жалобы, суд необоснованно отказал и в проведении повторной судебной экспертизы, необходимость которой обосновывалась указанным заключением специалиста.

Рассмотрев кассационную жалобу, Верховный Суд РФ вынес определение, в мотивировочной части которого указал: «Представленное ответчиком заключение специалиста составлено с целью опровержения выводов экспертизы, проведенной по данному делу, а потому имеет отношение к настоящему делу. Требования к оформлению такого заключения, фактически представляющему собой мотивированные объяснения стороны относительно дефектов судебной экспертизы, законом не установлены, а следовательно, оно неправомерно признано судом недопустимым доказательством. Не приобщив указанный документ и не дав оценку его содержательной части, суд лишил сторону возможности доказать свои возражения в части объема выполненных работ и обоснованности встречного иска. В этой связи нельзя признать правомерным отказ суда в проведении повторной экспертизы»⁵.

Изложенное позволяет предположить, что впредь судам вне зависимости от вида судопроизводства (гражданского, арбитражного, административного или уголовного) не следует признавать заключение специалиста («рецензию») недопустимым доказательством, если в нем «опровергаются выводы судебной экспертизы и содержится подробный анализ экспертного заключения» (здесь и далее курсив наш. — А.П., Е.Р.). Такое заключение специалиста подлежит приобщению к материалам дела и должно быть приравнено к «мотивированным объяснениям сторон».

Положительное решение вопроса о возможности использования заключения специалиста в качестве средства рецензирования заключения эксперта обуславливает необходимость дополнительного исследования обозначенной проблемы.

Думается, Верховный Суд РФ в своем определении должен был критически отнестись к представленному ответчиком заключению специалиста, составленному с целью опровержения выводов эксперта.

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» требует, чтобы заключение эксперта было основано на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных (ст. 8). При этом эксперт непосредственно исследует объекты, представленные ему лицом, назначившим экспертизы. Его умозаключения строятся на основе анализа большого объема информации, недоступной для специалиста-«рецензента»⁶.

Задачи специалиста сводятся к тому, чтобы выяснить научную обоснованность выводов эксперта, изложенных в заключении; определить правильность выбора методики исследования и соблюдение всех ее предписаний; установить возможность получения результатов при использовании соответствующей методики; выяснить наличие экспертной оценки результатов исследования и являются ли сформулированные выводы логическим следствием полученных результатов.

Как справедливо отмечает М.В. Жижина, «рецензирование не является средством установления новых фактов и в этом смысле его доказательственное значение вторично»; «рецензия содержит сведения о другом доказательстве, усиливая или ослабляя его доказательственную ценность, и таким образом включается в процесс доказывания по делу»⁷.

Кроме того, специалист не является субъектом доказывания. Он не вправе оценивать рецензируемое заключение эксперта как доказательство (с точки зрения относимости, допустимости и достоверности).

Однако на практике некоторые специалисты в заключениях-«рецензиях» выходят за рамки своей компетенции. Сотрудниками Автономной некоммерческой организации «Лаборатория Экспертных Исследований» был проведен анализ заключения специалиста, рецензировавшего заключение эксперта-почерковеда по делу № А46-9633/2016, рассмотренному Арбитражным судом Омской области. В «рецензии» специалист прямо указал, что нарушения действующего законодательства, а также методик проведения данного вида исследований являются основанием для признания недопустимым доказательством заключения эксперта-почерковеда.

Полагаем, что подобные заключения специалиста нельзя использовать в качестве мотивированного объяснения стороны и приобщать к материалам дела в качестве доказательства.

Литература

1. Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом

- процессе : дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Жижина. М., 2016. 539 с.
2. Комиссаров В.И. К вопросу о субъектах и способах противодействия расследованию // В.И. Комиссаров, Я.В. Комиссарова // Право, наука, образование: традиции и перспективы : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) / редкол.: Е.В. Вавилин (отв. ред.) и др. ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. С. 525–527.
  3. Петрухина А.Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Петрухина. М., 2009. 23 с.
  4. Семенов Е.А. Оценка заключения эксперта в компетенцию специалиста не входит / Е.А. Семенов, А.С. Гришин // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 6–12.
  5. Соловьев С.А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект / С. А. Соловьев // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 17–22.
-
- ¹ Петрухина А.Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 22.
  - ² Надо признать, что в уголовном процессе дела обстоят в этой части не всегда благополучно. См., например: Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. К вопросу о субъектах и способах противодействия расследованию // Право, наука, образование: традиции и перспективы : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) / редкол.: Е.В. Вавилин (отв. ред.) и др. ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов, 2016. С. 526.
  - ³ См., например: Семенов Е.А., Гришин А.С. Оценка заключения эксперта в компетенцию специалиста не входит // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 6–12 ; Соловьев С.А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 17–22 и др.
  - ⁴ Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 464–465.
  - ⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. по делу № 305-ЭС17-11486 [Электронный ресурс]: Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Тексты судебных актов». URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 10.02.2018).
  - ⁶ К сожалению, как показывает практика рецензирования заключений эксперта в компаниях «Лаборатория Экспертных Исследований» (города Москва, Санкт-Петербург, Омск), эксперты не всегда в полном объеме описывают ход исследования и полученные при этом результаты, хотя выводы отражают истинную картину происшедших событий.
  - ⁷ Жижина М.В. Указ. соч. С. 468.

Посмертная судебно-медицинская томографическая визуализация повреждений, причиненных острыми предметами*, **

Фетисов Вадим Анатольевич,
заведующий научно-организационным отделом
Российского центра судебно-медицинской
экспертизы Минздрава России,
доктор медицинских наук
fetisoff@rc-sme.ru

Статья посвящена посмертной томографической (КТ и МРТ) диагностике повреждений, причиненных пострадавшим от воздействия острых предметов. Изложены данные, представленные в монографии судебных патологов и рентгенологов из Бернского университета (Швейцария) и ряда стран Западной Европы и США. Авторы монографии подробно исследуют характерные патоморфологические изменения и анализируют их значимость для работы судебно-медицинских экспертов. Отмечается, что при решении ряда экспертных задач посмертная томографическая визуализация может быть уникальным инструментом, а в других случаях — лишь дополнением к классической аутопсии.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, аутопсия, посмертная томографическая визуализация, травма острыми предметами.

The article is dedicated to postmortem tomographic (CT and MRT) diagnostics of injuries inflicted with sharp objects. The publication gives the data presented in the monograph by forensic pathologists and radiologists of the University of Bern (Switzerland) and a number of countries of Western Europe, and the USA. The authors of the monograph review in details the characteristic pathomorphological changes and analyze their importance for the work of forensic experts. It is noted that postmortem tomographic visualization may be a unique tool for solution of a number of expert tasks or just a supplement to traditional autopsy in other cases.

Keywords: forensic examination, autopsy, postmortem tomographic visualization, injury inflicted with sharp objects.

Рубрику главы D3 авторы монографии посвятили основным проблемным вопросам судебно-медицинской диагностики и томографической визуализации повреждений, причиненных острыми предметами (D3.4).

Во введении (D3.4.1) авторы отмечают, что острая травма часто встречается в повседневной экспертной практике в силу широкого распространения несчастных случаев, а также самоубийств и особенно убийств, связанных с причинением жертвам смертельных повреждений острыми предметами. Можно согласиться с авторами, что в истории человечества острые предметы в прошлом и настоящем играют важную (кардинальную) роль при насильственном урегулировании споров и конфликтов. Авторы указывают, что причина смерти пострадавших при данном виде травмы чаще всего обусловлена кровопотерей вследствие повреждения кровеносных сосудов, а также в результате воздушной эмболии и гемоперикарда. Рассматривая механизм воздействий травмирующих объектов, авторы акцентируют внимание на том, что они главным образом прокалывают и разрезают ткани. При этом классификация острой травмы у зарубежных судебных патологов включает только три категории повреждений — колото-резаные, резаные и рубленые (разрубленные) раны. Стоит отметить, что вариант колотых повреждений (ран) у авторов монографии не встречается, как нет в тексте и такого термина. Тем не менее в подрубке D3.4.2 указывается, что колото-резаные раны необходимо четко дифференцировать от ран вследствие

прокалывания, которые также причиняют глубокие раны с «неизбежным сопровождением осаднений», но такие раны чаще являются случайными и очень редко причиняются вследствие убийств.

Рассматривая основные характеристики колото-резаных ран, авторы монографии отмечают, что эти раны больше по глубине, чем по ширине, их края в основном острые и прямые, не рваные и не имеют кровоподтеков. Примечательно, что такой специфический термин и характеристика, как обух (обушок) клинка, упоминается в монографии как «обратная сторона лезвия». Указывая на разнообразные объекты, которыми причиняются колото-резаные раны (ножи, кинжалы, ножницы, осколки стекла, столовые приборы и письменные принадлежности), авторы ошибочно упоминают и отвертки, с чем трудно согласиться в силу специфических особенностей данного типа инструмента и невозможности осуществления ими режущих воздействий.

Отмечая неоспоримую судебно-медицинскую значимость традиционной (двухмерной) фотографии в документировании характеристик большинства и особенно колото-резаных повреждений, авторы считают, что в будущем цветная 3D-фотограмметрия, основанная на сканировании поверхностей любых объектов, позволит экспертам более подробно документировать (фиксировать и измерять) повреждения в объемной (трехмерной) форме.

Мультиспиральная компьютерная томография (МСКТ) также подходит для документирования колото-резаных

* Postmortem Forensic Tomographic Visualization of Injuries Inflicted with Sharp Objects

Fetisov Vadim A., Head of the Scientific and Organizational Department of the Russian Centre of Forensic Medical Expertise of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Doctor of Medicine

** Реферативный обзор монографии М. Тали, Р. Дирнхофера и П. Вока. Оригинал: Thali M.J., Dirnhofer R., Vock P. The virtopsy approach: 3D optical and radiological scanning and reconstruction in forensic medicine. Boca Raton, FL: CRC Press London NW, 2009.

ранений, хотя авторы монографии признают ее более низкое качество в отношении четкого изображения морфологии ран. При этом отмечается, что МСКТ очень быстро дает общее впечатление о размере и локализации повреждения на теле и позволяет изобразить его в трехмерном виде. Однако понимание крайней важности точности измерений в экспертных исследованиях колото-резаных повреждений, особенно в случаях необходимости дифференциации между собой сразу нескольких травмирующих предметов (например, разных ножей с похожими характеристиками), ставит под сомнение объективность «виртуальных» вскрытий и, соответственно, обоснование необходимости отказа от классической аутопсии.

Помимо необходимости достоверного установления травмирующего предмета (орудия, оружия), авторы отмечают важность экспертного решения при восстановлении (реконструкции) таких обстоятельств причинения колото-резаных повреждений, как направление и глубина раневого канала, энергия травмирующего воздействия, состояния самообороны и др.

Оставление ножа в теле жертвы является большой редкостью в экспертной практике. Поэтому при установлении направления и длины раневого канала судебные медики вынуждены использовать метод или зондирования, или послышного кропотливого рассечения тканей. Оба метода не лишены недостатков. В первом случае зондом в раневом канале могут быть вытеснены важные следы или повреждены интактные ткани. Во втором случае, помимо его трудоемкости, разрушаются уцелевшие структуры в непосредственной близости от раневого канала, что существенно затрудняет диагностику между прижизненными и посмертными повреждениями.

Посмертная КТ позволяет определить общее направление раневого канала, но ограничена в возможности его визуализации непосредственно в мягких тканях. При этом авторы отмечают, что она идеально подходит для выявления таких повреждений при травме костных и хрящевых структур. Демонстрируя различные экспертные случаи колото-резаных повреждений, авторы монографии указывают на то, что на МСКТ (при костной реконструкции 3D) отчетливо отражаются лишь крупные повреждения, так как компьютерная программа автоматически убирает мелкие структуры, тем самым облитерируя микротрещины. Комментарии к такой «идеальной» визуализации повреждений кажутся излишними, хотя вполне очевидно, что эти «затруднения» (или артефакты) имеют временные ограничения и связаны исключительно с уровнем развития технического прогресса и разработкой компьютерных технологий.

Посмертная МРТ способна визуализировать раневую канал в мягких тканях с большей точностью, что облегчает экспертную оценку колото-резаных ранений в сравнении с секционными результатами. Виртуальный зонд может быть «вставлен» в рану, не вытесняя следов из раны и раневого канала. При этом ссылки на рисунки D3.4.8 и D3.4.9 демонстрируют лишь отчетливую визуализацию классической для таких случаев картины гемоперикарда, пневмо- и гемоторакса, а сам раневой канал (в левом желудочке сердца) определяется менее ясно, без каких-либо погруженных в него виртуальных зондов. В данном случае эти МРТ-изображения не позволяют определить размерные характеристики раневого канала и, соответственно, погруженной части клинка¹.

Рассуждая об этой проблеме, авторы указывают, что следует проявить величайшую осторожность при интерпретации глубины раны, так как ввиду эластичности кожи и подлежащих мягких тканей травмирующий предмет может быть короче, чем фактический раневой канал. Несмотря на эти предостережения, именно глубина раневого канала (с учетом плотности кожи), по мнению авторов, может быть некой «уликой», свидетельствующей об общем впечат-

лении о происшествии; имеются в виду эмоциональный настрой преступника и затрачиваемая им энергия на причинение глубоких проникающих ранений жертве в момент совершения преступления.

Безусловно, данный морфологический критерий наряду с количеством, анатомической локализацией, последовательностью причиненных колото-резаных ранений и другими признаками играет важную роль в реконструкции обстоятельств совершения подобных преступлений, опровержении версий преступника и т.д. Однако оценка этих данных, как и совокупности всех доказательств, лежит за пределами специальных профессиональных познаний судебно-медицинских экспертов или судебных патологов.

По данным авторов, КТ- и МРТ-изображения позволяют выявить глубину повреждений мягких тканей и плотных структур (хрящ, кость), а также определить в последних режущую кромку (лезвие) и обух клинка², тем самым позволяя реконструировать некоторые обстоятельства инцидента, в частности положение травмирующего орудия в теле жертвы и возможность установления позиции преступника по отношению к пострадавшему.

Однако авторы считают, что современные КТ-технологии пока еще не дают достаточно точного изображения необходимых деталей в отношении острых травмирующих предметов, поэтому проведение виртуальной аутопсии до вскрытия, безусловно, помогает выявлять зарубежным патологам эти детали перед традиционным вскрытием трупа.

Авторы считают, что бурное развитие современных технологий, в частности МСКТ, в ближайшем будущем позволит более точно визуализировать посмертные повреждения костных структур. Кроме того, в экспертных случаях, связанных с обнаружением в трупе инородных тел, например отломков травмирующих предметов, МСКТ позволяет легко установить детали этого оружия (орудия) в увеличенном трехмерном 3D-изображении и затем определить конкретный механизм причинения колото-резаного повреждения.

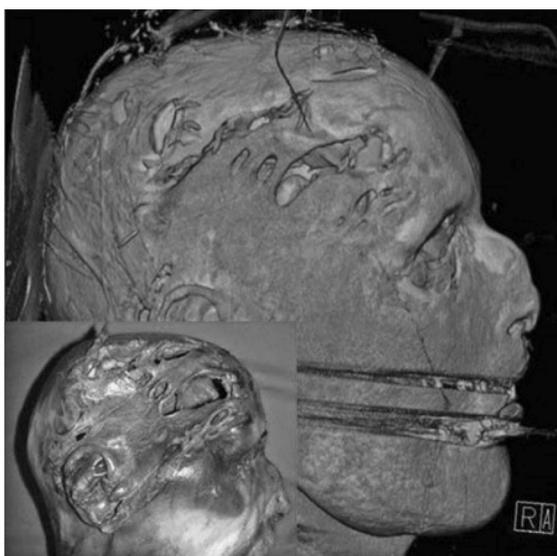
В следующей подрубрике (D3.4.3) авторами представлен краткий обзор возможностей МСКТ- и МРТ-визуализации резаных повреждений.

В отличие от колото-резаных ранений, морфология классических веретенообразных резаных ран мягких тканей, как правило, не позволяет экспертам точно установить тип и размерные характеристики травмирующего предмета. Данное затруднение обусловлено тем, что в причинении такого повреждения участвует лишь одна режущая кромка (лезвие) клинка³. В поиске характерных следов в таких случаях весьма посредственные шансы на успех иногда увеличивают резаные повреждения хрящей и костей.

При этом авторы монографии отмечают, что посмертная КТ служит не только для отображения наличия таких глубоко лежащих «улик», но также помогает в экспертной оценке прижизненных и посмертных повреждений, вызванных трудными или даже неосторожными вскрытиями. Одновременно с этим авторы с сожалением признают факт низкой степени разрешающей способности современной КТ для отображения резаных повреждений костей на достаточно высоком уровне.

Как и при диагностике колото-резаных повреждений, авторы отмечают, что посмертная МСКТ резаных ранений может быть скрининговым методом при поиске инородных тел (частей ножей, осколков стекла), а также возможных резаных повреждений костей и хрящей на этапе предсекционного исследования трупа.

Глубина разреза обычно ясна при простом внешнем осмотре трупа. Однако в случаях глубокого проникновения дно резаной раны может быть скрыто кровью или стенками поврежденных тканей. В этих случаях МСКТ может предоставить ценную дополнительную информацию отно-

а

б

3D-реконструкция поврежденных мягких тканей (а) и переломов костей черепа (б) у жертвы убийства, полученная с помощью посмертной мультиспиральной компьютерной томографии. Пострадавший был убит несколькими ударами топора и обнаружен спустя три недели после убийства. Множественные переломы в правой височной области (стрелки) совпадают с повреждениями мягких тканей

сительно топографии глубины резаной раны и ее тканевых структур, а также визуализировать воздух, попавший в венозное сосудистое русло в случае возникновения воздушной эмболии. В отличие от МСКТ, по мнению авторов, МРТ лучше показывает не только глубину раны в мягких тканях, но и сопровождающие ее кровоизлияния, а также органические и сосудистые повреждения.

Особенности экспертной оценки рубленых повреждений на томографических изображениях изложены авторами в подрубрике Д3.4.4.

К рубящим травмирующим предметам относятся не только тяжелые и чрезмерно острые орудия, инструменты или оружие, например мечи, тесаки или мачете, но и довольно тупые топоры, широко распространенные в быту. Рубленые раны составляют отдельную категорию острой травмы, сочетающей в себе некоторые морфологические сходства с резаными повреждениями, но в отличие от последних они имеют специфический компонент тупой травмы.

В зависимости от приложенной силы, массы и остроты рубящего орудия они могут разрезать и раздавливать не только мягкие ткани, но и кости. Особая морфология рубленых ран (щелевидная форма, осаднение краев, разрушение подлежащих костных структур, тканевые перемычки в глубине ран и др.) редко приводит к ошибочным диагнозам, в том числе в случаях разлагающихся тел, где наружный осмотр (исследование) трупа может быть затруднен.

Посмертные МСКТ идеально отображают рубленые раны, а также костные повреждения (разрубы, надрубы) в их правильном анатомическом положении. При этом авторы монографии отмечают положительную сторону — устранение необходимости склеивания костей, например, разрубленного черепа после традиционного вскрытия для того, чтобы поместить все его части в правильном анатомическом порядке⁴.

Пример такого исследования (МСКТ, 3D-реконструкция) продемонстрирован в монографии на рисунках Д3.4.31 и Д3.4.32 (рисунок выше объединяет оба изображения).

Аргументированного ответа о количестве рубленых повреждений авторы монографии не дают, как и не исследуют остроту топора, причинившего множественные

рубленые и вдавленные переломы костей свода черепа. В подписи к рисунку Д3.4.32 авторы указывают, что надрубы на кости свидетельствуют о нескольких ударах, причинивших травму, причем орудие (топор) было тяжелым, достаточно тупым, что привело к комбинированной рубленой (острой) и тупой травмы.

Литература

1. Фетисов В.А. М. Тали, Р. Дирнхофер, П. Вок. «Virtopsy подход. 3D Оптическое и радиологическое сканирование и реконструкция в судебной медицине». Boca Raton, FL: CRC Press. London NW, 2009 / В.А. Фетисов // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. Т. 59. № 3. С. 58–62.
2. Фетисов В.А. Посмертная томография в исследованиях швейцарских судебных медиков и рентгенологов в проекте «Виртопсия» / В.А. Фетисов // Эксперт-криминалист. 2016. № 4. С. 28–32.
3. Фетисов В.А. Посмертная томографическая судебно-медицинская нейровизуализация / В.А. Фетисов // Эксперт-криминалист. 2017. № 2. С. 33–35.

¹ В данном случае, возможно, косое направление раневого канала не позволяет «технически» произвести его точное измерение лишь по одному аксиальному МРТ-изображению, как это сделано на рисунке Д3.4.14.

² Авторы установили, что плотные структуры дают более точное изображение характеристик травмирующего предмета (орудия, оружия), чем мягкие ткани.

³ Авторы отмечают, что некоторые зубчатые режущие кромки, например, у стейк-ножей оставляют идеальные волнистые или зубчатые края у ран, представляя собой «счастливый случай» в повседневной работе судебного медика.

⁴ Конечно, стоит согласиться с авторами, что исследование такого объекта, как череп, требует значительного количества экспертного времени, сил и терпения. Однако не стоит забывать, что в случаях формирования многооскольчатых, фактически раздробленных переломов с уточняющими вопросами следствия о количестве и последовательности рубящих воздействий без традиционной аутопсии и лабораторных медико-криминалистических исследований не обойтись.

Опыт использования трехмерного программного моделирования при комплексной автотехнической и судебно-медицинской экспертизе дорожно-транспортного происшествия*

Шакирьянова Юлия Павловна,

эксперт отдела медико-криминалистической идентификации
111 Главного государственного центра судебно-медицинских
и криминалистических экспертиз Минобороны России,
кандидат медицинских наук
tristeza_ul@mail.ru

Леонов Сергей Валерьевич,

начальник отдела медико-криминалистической идентификации
111 Главного государственного центра судебно-медицинских
и криминалистических экспертиз Минобороны России,
профессор кафедры судебной медицины
и медицинского права Московского
государственного медико-стоматологического
университета имени А.И. Евдокимова Минздрава России,
доктор медицинских наук, доцент
sleonoff@inbox.ru

Пинчук Павел Васильевич,

начальник 111 Главного государственного центра
судебно-медицинских и криминалистических экспертиз
Минобороны России (Главный судебно-медицинский эксперт Минобороны России),
профессор кафедры судебной медицины Российского
национального исследовательского медицинского
университета имени Н.И. Пирогова Минздрава России,
доктор медицинских наук, доцент
info@111centr.ru

В статье представлен пример выполнения комплексной ситуационной автотехнической и судебно-медицинской экспертизы по поводу двойного дорожно-транспортного происшествия — столкновения со стоящим на дороге автомобилем и последующего наезда на пешехода, находящегося на дороге поблизости с неподвижным автомобилем. При производстве экспертизы была применена методика программного трехмерного моделирования с учетом оригинальных размерных характеристик объектов дорожно-транспортного происшествия, а также виртуальных трехмерных копий оригинальных поврежденных автомобилей.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, повреждения автомобилей, трехмерные виртуальные копии, программная реконструкция.

The article presents an example of implementation of the comprehensive situational and autotechnical forensic examination, about double the traffic accident — a collision with a stationary on road car and subsequent collision with the pedestrian from the road near stationary car. While manufacturing expertise has been applied the method of three-dimensional modeling software according to the original dimensional characteristics of objects traffic accident, as well as virtual three-dimensional copies of the original damage to the car.

Keywords: traffic accident, car damage, three-dimensional virtual copy, software reconstruction.

* Experience of Use of Three-Dimensional Software Simulation in Comprehensive Motor Technical and Forensic Examination of a Road Traffic Accident

Shakiryanova Yulia P., Expert of the Department of Forensic and Criminalistic Identification of the 111 Main State Center for Forensic Medical and Criminalistics Expert Examination of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Candidate of Medical Sciences

Leonov Sergey V., Head of the Department of Forensic and Criminalistic Identification of the 111 Main State Center for Forensic Medical and Criminalistics Expert Examination of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Professor of the Department of Forensic Medicine and Medical Law of the A.I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Doctor of Medicine, Assistant Professor

Pinchuk Pavel V., Head of the 111 Main State Center for Forensic Medical and Criminalistics Expert Examination of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Chief Forensic Expert of the Ministry of Defence of the Russian Federation), Professor of the Department of Forensic Medicine of the N.I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Doctor of Medicine, Assistant Professor

В большинстве случаев при производстве комплексных автотехнических и судебно-медицинских экспертиз, связанных с дорожно-транспортным происшествием (далее — ДТП), необходима комплексная оценка повреждений, возникающих на транспортных средствах, и тех, которые получают потерпевшие — пешеходы, водители или пассажиры в салоне автомобиля. В этих случаях крайне затруднительна диагностика травмирующего предмета и необходима реконструкция обстоятельств происшествия с учетом всех имеющихся данных.

В экспертной практике нам встретился случай двойного ДТП — столкновение движущегося автомобиля со стоящим на дороге автомобилем и последующим наездом на пешехода, находящегося на дороге поблизости с неподвижным автомобилем.

В ФГКУ «111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз» Минобороны России из военного следственного отдела поступили материалы проверки, по которым была назначена комплексная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза.

Согласно обстоятельствам происшествия, гражданин Б., управляя автомобилем марки Hyundai Santa Fe, двигаясь по автомобильной дороге в крайней левой полосе, совершил наезд на стоящий в крайней левой полосе автомобиль марки Nissan Qashqai и на располагавшуюся около автомобиля гражданку У. В результате наезда женщина получила телесные повреждения, от которых скончалась на месте происшествия. На разрешение комиссии экспертов были поставлены как традиционные для автотехнической и судебно-медицинской экспертиз вопросы, так и вопросы о возможности нахождения гражданки У. в момент ДТП перед автомобилем либо около правой передней двери автомобиля Nissan Qashqai, а также об установлении конкретного положения У. в момент наезда на нее автомобиля.

При проведении автотехнического исследования место наезда на пешехода установить не удалось. Для судебно-медицинских экспертов этот вопрос нетипичный. Стандартных путей его решения в доступной судебно-медицинской литературе не имеется. Нами было применено масштабное программное моделирование всех этапов дорожно-транспортного происшествия, которое позволило установить место наезда автомобиля на пешехода.

При производстве осмотра автомобилей были зафиксированы повреждения: а) задней правой части автомобиля Nissan Qashqai на участке от правого края до правого световозвращателя, расположенного в нижней части бампера у отверстия под буксирный прибор; б) передней левой части автомобиля Hyundai Santa Fe на участке от левой крайней части до средних частей левых блок-фары и

противотуманной фары. Также в ходе осмотра в повреждениях ветрового стекла автомобиля Hyundai Santa Fe были обнаружены волосы потерпевшей.

Была произведена фотосъемка автомобилей, что позволило получить 93 масштабные фотографии автомобиля Nissan Qashqai и 80 фотографий Hyundai Santa Fe. Фотографирование производилось на цифровой фотоаппарат с постоянным фокусным расстоянием с различных ракурсов¹.

С использованием полученных фотографий в программе «ContextCapture» были воссозданы виртуальные трехмерные копии участков повреждений машин (илл. 1 а, б). При создании виртуальных трехмерных копий был задан оригинальный масштаб. Полученные виртуальные объекты были сохранены в формате «OBJ» и использованы в последующем трехмерном моделировании ситуации дорожно-транспортного происшествия.

На основании оценки имеющихся деформаций, приведенных в автотехнической части исследования, механизм наезда автомобиля Hyundai Santa Fe на стоящий автомобиль Nissan Qashqai был представлен следующим образом.

Автомобиль Nissan Qashqai стоял в левой полосе. Автомобиль Hyundai Santa Fe приближался к нему сзади по левой полосе. Удар пришелся левой передней частью автомобиля Hyundai Santa Fe в заднюю правую часть автомобиля Nissan Qashqai. При ударе продольные оси автомобилей располагались под небольшим углом (от 5 до 10 градусов). При этом продольная ось автомобиля Hyundai Santa Fe была немного повернута вправо относительно продольной оси автомобиля Nissan Qashqai. По направлению, характеру сближения, взаимодействию и относительному расположению продольных осей автомобилей столкновение было продольное, попутное, касательное: для автомобиля Hyundai Santa Fe — левое переднее угловое, для автомобиля Nissan Qashqai — заднее угловое правое.

В представленных материалах (на схеме места ДТП и в протоколе) зафиксирован след юза колеса автомобиля Hyundai Santa Fe, имеющий длину 74,4 м. Определено, что место наезда на гражданку У. расположено на траектории движения левого переднего колеса (следе юза) автомобиля Hyundai Santa Fe.

Полученные автотехнические данные были учтены при производстве судебно-медицинской части исследования.

В ходе судебно-медицинского исследования трупа эксперт выявил повреждения: группы полосовидных и овальных ссадин на лице, на наружной поверхности правого бедра и голени; ушибленная рана в правой теменной области; рваная рана в проекции правого коленного сустава, с переходом на правое бедро, на высоте 40 см от уровня стоп; ушибленная рана в проекции правого локтевого сустава, разрыв капсульного аппарата правого локтевого сустава

Илл. 1. Виртуальные трехмерные копии частей автомобилей с повреждениями: а — Nissan Qashqai, б — Hyundai Santa Fe

и краевой перелом головки плечевой кости; карманообразная отслойка на наружной поверхности правого бедра, на высоте 63 см от стоп, перелом правой бедренной кости в нижней трети, на высоте 50 см; карманообразная отслойка на наружной поверхности правой голени на высоте 14 см от стоп, полный краевой перелом правой большеберцовой кости в нижней трети в месте соединения с малоберцовой костью, перелом в области головки малоберцовой кости в нижней трети; субарахноидальные кровоизлияния на базальной поверхности головного мозга, в области полюсов лобных долей; полное разделение мозга на границе продолговатого и спинного мозга, неполное разделение в области ножек мозжечка и в области верхней стенки IV желудочка, повреждение шейно-затылочной мембраны; полные разгибательные (конструкционные) переломы 2–7 ребер справа между средней ключичной и передней подмышечной линиями, 2, 3 ребер слева по средней ключичной линии, перелом позвоночного столба на уровне 3, 4 грудных позвонков, разрыв лобкового симфиза, перелом правого подвздошно-лобкового возвышения, перелом верхней ветви левой лобковой кости; кровоизлияния в области корня брыжейки тонкой кишки, в области прикрепления крупных сосудов сердца, в области серповидной связки печени; разрыв нисходящей части дуги аорты.

Из материалов проверки известно, что тело У. на дороге располагалось на полосе движения автомобилей в 35,7 м от предполагаемого места наезда. На основании имеющегося у коллектива авторов опыта моделирования в пространстве графического редактора «3ds Max»² и применения его при производстве ситуационных судебно-медицинских экспертиз³ были использованы данные автотехнической части данной экспертизы и сведения о наличии и морфологии повреждений на теле пострадавшей для проведения программной трехмерной реконструкции обстоятельств ДТП в пространстве графического редактора «3ds Max».

В интернет-ресурсах были взяты трехмерные модели автомобилей Hyundai Santa Fe и Nissan Qashqai в формате «3ds». По официальным сайтам компаний Hyundai и Nissan были определены оригинальные размеры автомобилей в соответствующей комплектации кузова. Моделирование произведено в масштабе 1:10.

На основании полученных данных создана масштабная модель дороги и тормозного следа автомобиля Hyundai Santa Fe. В созданную модель в соответствующем масштабе внесены два автомобиля — Nissan Qashqai и Hyundai Santa Fe. По данным автотехнического исследования выполнена визуализация развития столкновения автомобилей (илл. 2 а). В рамках оценки слеодообразования повреждений на оба автомобиля нанесены оригинальные трехмерные повреждения (илл. 2 б).

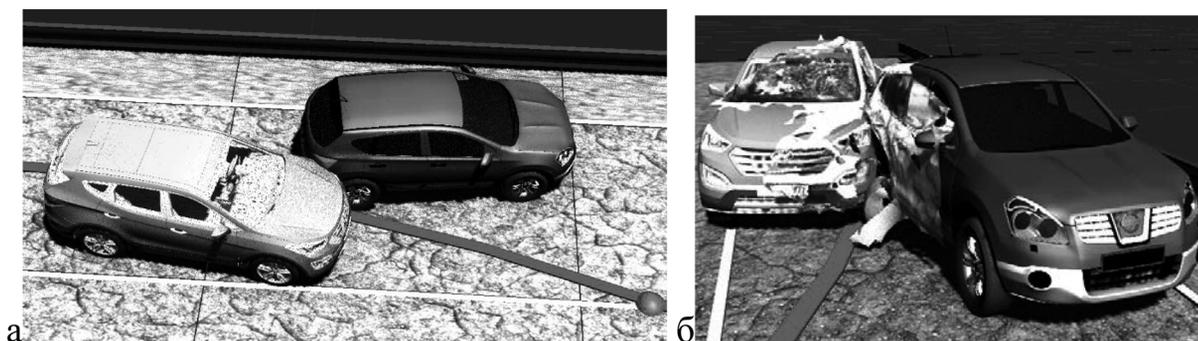
На следующем этапе осуществлялось моделирование наезда автомобиля на пешехода. Для этого в разработанную трехмерную модель помещена модель женщины высотой 176 см (что соответствует росту потерпевшей). Исходя из локализации и морфологии повреждений на теле пешехода и характера повреждений у пешехода на автомобиле установлено, что имел место фронтальный наезд на пешехода, при этом пешеход располагался к автомобилю Hyundai Santa Fe правой стороной тела. Удар выступающими частями автомобиля (на уровне бампера и левой блок-фары) привел к образованию повреждений у пешехода на наружной поверхности правого бедра, правой голени, перелому правого бедра. Правая нога пешехода была опорная, это привело к вращению его тела против часовой стрелки, в результате чего образовалась травма голеностопного сустава (илл. 3 а). Дальнейшее вращение тела привело к тому, что удар о капот и лобовое стекло произошел правой задне-боковой поверхностью тела, при этом последовательно образовались повреждения на правой теменной области головы, травма позвоночного столба на уровне шейного и грудного отделов позвоночника, травма головного мозга и поперечный разрыв спинного мозга, повреждения правой верхней конечности (илл. 3 б). Далее произошло отбрасывание тела на дорожное покрытие в направлении, близком к направлению первичного удара⁴. Удар и скольжение по дорожному покрытию привели к травме груди, таза, формированию обширных участков осаднения на передней поверхности правой нижней конечности и на лице. Разрыв нисходящей части аорты, кровоизлияния в области сердца и печени носят характер инерционной травмы и могли образоваться как во вторую, так и в третью фазу наезда.

На основании проведенных исследований, реконструкции происшествия в соответствии с поставленными вопросами были сформулированы следующие выводы:

1. Наезд на пешехода У. совершил автомобиль Hyundai Santa Fe.

2. Располагаться перед автомобилем Nissan Qashqai пешеход У. (в момент наезда на нее автомобиля Hyundai Santa Fe) не могла, поскольку в этом случае смещающийся после столкновения по ходу движения автомобиля Hyundai Santa Fe автомобиль Nissan Qashqai должен был:

- совершить наезд (в случае ее непосредственной близости к фронтальной части автомобиля) на пешехода У. — признаков наезда автомобиля Nissan Qashqai на теле пешехода У. нет;
- с учетом расположения автомобиля Nissan Qashqai возможность травмирования пешехода У. при ее достаточном удалении от фронтальной поверхности автомобиля Nissan Qashqai (большей, чем величина его смещения после столкновения с автомобилем Hyundai Santa Fe) исключена.

Илл. 2. Столкновение автомобилей в момент ДТП:

а — столкновение; б — нанесенные на модели машин оригинальные повреждения, полученные при столкновении

Илл 3. Моделирование наезда на пешехода:
а — положение пешехода в момент удара; б — удар о капот и ветровое стекло

3. В момент наезда автомобиля Hyundai Santa Fe пешеход У. располагалась на уровне переднего правого колеса — передней правой двери автомобиля Nissan Qashqai.

4. В момент наезда пешеход У. располагалась вертикально, правым боком к автомобилю Hyundai Santa Fe. Правая нога была опорной, левая не контактировала с дорожным покрытием, что указывает на то, что пешеход совершала шаг левой ногой.

Таким образом, проведенное масштабное программное моделирование с использованием данных об оригинальных повреждениях автомобилей и реальных размерных характеристиках исследуемых объектов (по данным осмотра места ДТП, автомобилей и роста потерпевшей) позволило осуществить наглядную визуализацию, оценить ситуацию и прийти посредством принципиально нового для судебной медицины метода масштабного программного моделирования этапов ДТП к научно обоснованным выводам об обстоятельствах ДТП, положении пешехода в момент ДТП и месте наезда на него автотранспортного средства.

Литература

1. Дмитриев Е.Н. Использование современных фотографических технологий в судебной запечатлевающей фотографии / Е.Н. Дмитриев, Г.П. Шамаев // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 17–21.
2. Леонов С.В. Особенности краевого наезда на пешехода автомобилем, двигающимся задним ходом / С.В. Леонов, П.В. Пинчук, Ю.П. Шакирьянова // Судебно-медицинская экспертиза. 2017. № 1. С. 15–18.
3. Леонов С.В. Специфический признак воздействия колеса современного мотоцикла / С.В. Леонов, П.В. Пинчук, Д.В. Молчанов // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 2. С. 35–36.
4. Леонов С.В. Установление места положения стрелявшего методом трехмерного моделирования /

С.В. Леонов, П.В. Пинчук // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 3. С. 38–39.

5. Леонов С.В. Судебно-медицинская характеристика повреждений у пешехода при переднекраевом наезде автомобиля / С.В. Леонов, П.В. Пинчук // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 4. С. 21–24.
6. Судебная медицина и судебно-медицинская экспертиза: национальное руководство / под ред. Ю.И. Пиголкина. М.: ГЕОТАР-Медиа, 2014. 728 с.
7. Тутынин И.Б. О применении цифровой фотографии при производстве по уголовному делу / И.Б. Тутынин, С.Н. Коваль // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 10–14.

¹ Дмитриев Е.Н., Шамаев Г.П. Использование современных фотографических технологий в судебной запечатлевающей фотографии // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 17–21; Тутынин И.Б., Коваль С.Н. О применении цифровой фотографии при производстве по уголовному делу // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 10–14.

² Леонов С.В., Пинчук П.В., Шакирьянова Ю.П. Особенности краевого наезда на пешехода автомобилем, двигающимся задним ходом // Судебно-медицинская экспертиза. 2017. № 1. С. 15–18; Леонов С.В., Пинчук П.В. Установление места положения стрелявшего методом трехмерного моделирования // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 3. С. 38–39.

³ Леонов С.В., Пинчук П.В., Молчанов Д.В. Специфический признак воздействия колеса современного мотоцикла // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 2. С. 35–36; Леонов С.В., Пинчук П.В. Судебно-медицинская характеристика повреждений у пешехода при переднекраевом наезде автомобиля // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 4. С. 21–24.

⁴ Судебная медицина и судебно-медицинская экспертиза: национальное руководство / под ред. Ю.И. Пиголкина. М.: ГЕОТАР-Медиа, 2014. 728 с.

ПРОБЛЕМЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА

Актуальные пути совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации*

Смирнова Светлана Аркадьевна,

директор Российского федерального центра
судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации,
заведующая кафедрой судебно-экспертной
деятельности Российского университета дружбы народов,
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор
info@sudexpert.ru

В статье рассматриваются направления совершенствования правового регулирования судебно-экспертной деятельности. Представлены основные новеллы проекта федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», основной целью которого является введение эффективного механизма государственного регулирования судебно-экспертной деятельности, гармонизированного с международным опытом и требующего реального подтверждения компетентности судебных экспертов. Обоснована необходимость скорейшего внедрения в экспертную практику представленных в законопроекте инновационных механизмов. Указаны основные отличия между судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельностью. Предлагается начать разработку проекта федерального закона «Об экспертно-криминалистической деятельности в Российской Федерации».

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, стандартизация, сертификация компетентности судебных экспертов.

The article reviews the areas of improvement of legal regulation of forensic examination activities. The author presents the key novelties of the draft of the federal law On Forensic Activities in the Russian Federation, the main aim of which is introduction of an efficient mechanism of state regulation of forensic activities harmonized with international experience and requiring actual confirmation of forensic expert competence. The publication justifies the need for the most rapid introduction of the innovative mechanisms presented in the bill into the expert practice. It points out the main differences between forensic and expert and criminalistic activities. It proposes launching the development of the federal law On Expert and Criminalistic Activities in the Russian Federation.

Keywords: forensic activities, standardization, certification of forensic expert competence.

Развитие и совершенствование институтов гражданского общества, в том числе совершенствование судебной системы, является одной из приоритетных задач современной России. В результате судебной реформы качественно и количественно вырос судейский корпус, повысилась техническое оснащение судов. Однако до сих пор сохраняется проблема необоснованно длительных сроков судопроизводства. Ее решение напрямую связано с минимизацией сроков производства судебных экспертиз, результаты которых активно используются в целях установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Государственные судебно-экспертные учреждения (далее — СЭУ) и экспертные подразделения имеются в МВД, Минздравсоцразвития, Минюсте, ФСБ, Минобороны, ФТС, МЧС России. Во всех перечисленных ведомствах, за исключением Минюста и Минздравсоцразвития России, указанные СЭУ обеспечивают в первую очередь криминалистическую поддержку оперативно-розыскной и иной специальной деятельности этих ведомств. Основная численность государственных судебных экспертов (без учета обслуживающего персонала) сосредоточена в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России, судебно-медицинских учреждениях Минздравсоцразвития России, СЭУ Минюста России.

Необходимо отметить, что система СЭУ Минюста России (и в определенной степени Минздравсоцразвития России) является практически единственной независимой структурой, свободной от какой бы то ни было ведомственной заинтересованности, где государственные эксперты не подчинены органам дознания и следствия. Не менее важным является и тот факт, что СЭУ Минюста России (ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России и Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Минюста России) являются единственными представителями России в Европейской сети криминалистических учреждений (далее — ENFSI).

Судебная реформа привела к существенному повышению требований судов к производству судебных экспертиз. Это определяется и динамикой количественного роста судейского корпуса и следственных работников, и ускоренным развитием законодательства и юридической науки, совершенствованием правового просвещения и воспитания граждан, оптимизацией механизмов обеспечения их прав и свобод. Потребности современного судопроизводства таковы, что полностью удовлетворить их силами государственных судебных экспертов невозможно. Поэтому для производства судебных экспертиз

* Relevant Ways of Improvement of Forensic Examination Activities in the Russian Federation

Smirnova Svetlana A., CEO of the Russian Federal Center of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Department of Forensic Activities of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

активно привлекаются негосударственные эксперты, деятельность которых до настоящего времени не получила должного правового регулирования.

В целях совершенствования судебно-экспертной деятельности, прежде всего выполняемой негосударственными судебными экспертами, подготовлен проект федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который был принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (далее — ГД РФ) в первом чтении 20 ноября 2013 г. Для регулирования государственной судебно-медицинской и судебно-психиатрической деятельности до решения финансов-экономических вопросов федерализации соответствующих учреждений Минздрава России было предложено оставить в действии ряд положений Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в части, касающейся специфики деятельности указанных учреждений и экспертизы в отношении живых лиц.

В результате проведенной работы в проекте федерального закона сформулированы правовая основа, принципы организации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, включая стандартизацию и лицензирование судебно-экспертной деятельности, сертификацию и валидацию методических материалов по производству судебной экспертизы, сертификацию компетентности судебных экспертов. Предусмотрены контроль и надзор за судебно-экспертной деятельностью, единые требования для государственных судебных экспертов системы Минюста России и негосударственных судебных экспертов, осуществляющих свою деятельность во всех видах судопроизводства¹. Здесь особый статус судебно-экспертной системы Минюста России обусловлен практическим соответствием принципу независимости судебной экспертизы от органов, осуществляющих уголовное преследование.

Одним из эффективных путей совершенствования судебно-экспертной деятельности, по нашему мнению, является сертификация негосударственных экспертов, привлекаемых к производству судебных экспертиз, и ведение Государственного реестра судебных экспертов, что предусмотрено проектом федерального закона. В основу указанных новаций положен опыт проведения добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов в системах добровольной сертификации, функционирующих в Российской Федерации. Первая из таких систем была создана в 2005 г. — «Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы РОСС RU.B175.04OЭ00 от 02.03.05». Ее головным органом был определен ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. В данной системе выданы около 2000 сертификатов компетентности для негосударственных судебных экспертов. Однако, помимо этой системы, зарегистрированы еще несколько десятков систем добровольной сертификации с участием негосударственных судебно-экспертных учреждений, в которых сертифицированы тысячи экспертов, чьи качество подготовки и компетентность вызывают у правоприменителей обоснованные сомнения.

Поскольку процессуальное законодательство предусматривает возможность назначения экспертизы лицам, не прошедшим сертификацию, но обладающим специальными знаниями, в проекте федерального закона оговаривается возможность проведения судебной экспертизы лицом, не подтвердившим уровень своей профессиональной подготовки в установленном порядке. При этом несостоятельны заявления наших оппонентов о необходимости введения обязательной сертификации компетентности лиц, обладающих специальными зна-

ниями, а также об обязательности сертификации всех работников негосударственных судебно-экспертных организаций. Реализация вышеуказанных положений невозможна, поскольку не соответствует процессуальному законодательству.

Подготовленные законопроектные материалы направлены прежде всего на обеспечение интенсивного пути развития судебно-экспертной деятельности с минимальным привлечением дополнительных материальных ресурсов и эффективным использованием имеющихся. При этом эффективным путем регулирования этой деятельности является внедрение механизмов сертификации компетентности экспертов и аккредитации экспертных учреждений. Реализацию этих функций должен осуществлять специализированный уполномоченный орган.

При подготовке проекта федерального закона ко второму чтению по итогам доклада Генерального прокурора РФ Президенту Российской Федерации были подготовлены изменения, ужесточающие требования к регулированию негосударственной судебно-экспертной деятельности, обеспечивающие повышение общего качества судебной экспертизы в Российской Федерации, приведение его к уровню мировых стандартов, в том числе типовому проекту законодательного акта «О судебно-экспертной деятельности», принятому Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств — членов ЕврАзЭС от 11 апреля 2013 г. № 15-6, уже имплементированные в законодательство Беларуси, Казахстана, Киргизии.

Учитывая специфику форм использования специальных знаний при проведении оперативно-розыскных мероприятий и осуществлении предварительного расследования, на работников экспертно-криминалистических подразделений силовых ведомств, занимающихся выполнением судебных экспертиз в основном в рамках уголовного процесса, вышеуказанные требования было предложено не распространять.

При этом в проект федерального закона внесены изменения, согласно которым профессиональные и квалификационные требования к судебному эксперту, а также действие механизмов сертификации компетентности судебного эксперта, сертификации научно-методического обеспечения судебной экспертизы, финансового обеспечения судебно-экспертной деятельности не распространяются на судебно-экспертную деятельность государственных судебных экспертов, проходящих военную службу, федеральную государственную службу, федеральную государственную гражданскую службу.

Инновации в доработанном проекте федерального закона будут в полном объеме распространяться только на федеральные бюджетные судебно-экспертные учреждения Минюста России, негосударственные судебно-экспертные организации и негосударственных экспертов.

Для полноценного регулирования экспертно-криминалистической деятельности, осуществляемой работниками силовых ведомств, считаем необходимым принятие специального федерального закона «Об экспертно-криминалистической деятельности в Российской Федерации». Данное предложение обусловлено тем, что судебно-экспертная деятельность и экспертно-криминалистическая деятельность имеют ряд принципиальных отличий. Судебно-экспертная деятельность охватывает все виды современного судопроизводства, регулируется процессуальным законодательством и указанным выше Федеральным законом № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», осуществляется в процессе судопроизводства в целях оказания содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов,

требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Экспертно-криминалистическая деятельность лишь частично регулируется Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и заключается в организации эффективного применения экспертно-криминалистических методов и средств сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений и взаимодействующих с ними служб в ходе и для выявления, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также дел об административных правонарушениях. Также в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» среди прочих к оперативно-розыскным мероприятиям отнесено «исследование предметов и документов». Как правило, эти криминалистические исследования проводятся с использованием специальных знаний, а также специальных технических средств, с применением экспресс-методик, нацеленных на оперативное получение криминалистически значимой информации.

Однако если говорить в целом об уголовном судопроизводстве, то полноценная система использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступления, надлежаще оформленная и регулируемая на законодательном уровне, на сегодняшний день отсутствует.

Возвращаясь к вышеуказанному проекту закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», следует отметить, что у него имеется ряд противников, не поддерживающих предложенные новеллы в области стандартизации, лицензирования и сертификации, введения единообразия правового регулирования судебно-экспертной деятельности, которые не приводят при этом обоснованных аргументов. Эта ситуация существенно тормозит работу над законопроектом, позволяя проводить экспертизы лицам, не подтвердившим свою компетентность, использовать псевдонаучные методики, фальсифицировать доказательства, продуцировать судебные экспертизы с взаимоисключающими выводами, что негативно сказывается на установлении истины и эффективности правосудия, сокращении сроков судопроизводства и оптимизации расходов на судебную систему.

В настоящее время особое значение приобретает внедрения вышеуказанных процедур повышения качества экспертного производства, признанных мировой экспертной практикой, приобретает в связи с возможностью использования экспертного потенциала системы национальных судебно-экспертных учреждений в обеспечении российских интересов в международных судах, как, например, это имело место в 2017 г. в Спортивном арбитражном суде (CAS) в Женеве (Швейцария).

Только проводимые на протяжении ряда последних лет Минюстом России в инициативном порядке модернизация своих судебно-экспертных учреждений и менеджмент качества судебно-экспертной деятельности, приведение ее к уровню ведущих мировых практик позволили признать доказательствами выводы, полученные экспертами ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, при осуществлении в CAS защиты прав российских спортсменов, нарушенных в результате «допингового скандала». Кстати, этому способствовали своевременное создание в 2016 г. национального Технического комитета ТК 134 «Судебная экспертиза» и принятие им среди прочих стандартов — национального стандарта в области судебно-трасологической экспертизы², проведение валидации соответствующей судебно-экспертной методики³, международная аккредитация данного направления судебно-экспертных исследований, а также полноправное членство в Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI)⁴.

В целях совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации представляется

важным скорейшее завершение работы над проектом федерального закона и введение должного государственного регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, а именно:

- стандартизации судебно-экспертной деятельности, включая разработку, утверждение и применение национальных стандартов в сфере судебно-экспертной деятельности;
- лицензирования негосударственных судебно-экспертных организаций на право ведения судебно-экспертной деятельности;
- оценки соответствия научно-методического обеспечения судебной экспертизы требованиям, предъявляемым к специфическому целевому использованию (сертификация), и оценки пригодности использования методических материалов по производству судебной экспертизы (валидация);
- оценки соответствия компетентности судебного эксперта требованиям, предъявляемым при проведении определенного вида исследований и определения уровня его квалификации (сертификация компетентности);
- оценки технической компетентности судебно-экспертной организации в соответствии с требованиями международных стандартов (аккредитация судебно-экспертных лабораторий).

Одновременно считаем целесообразным разработку в кратчайшие сроки проекта федерального закона «Об экспертно-криминалистической деятельности в Российской Федерации» для всестороннего обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений силовых ведомств, а также в целях разграничения данной деятельности и деятельности СЭУ Минюста России и негосударственных судебных экспертов.

Комплексное регулирование на законодательном уровне судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельности, по нашему мнению, позволит вывести все процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний на принципиально новый уровень эффективности обеспечения судопроизводства доказательственной базой.

Литература

1. Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Г.Г. Омелянюк // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 20–23.
  2. Смирнова С.А. Законодательное закрепление инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / С.А. Смирнова, Г.Г. Омелянюк, А.И. Усов // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 220–227.
  3. Усов А.И. Сотрудничество судебно-экспертных учреждений министерств юстиции как одно из практических звеньев международной интеграции государств — членов ЕврАзЭС / А.И. Усов // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 27–31.
-
- 1 Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Законодательное закрепление инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 220–227.
  - 2 ГОСТ Р 57428-2017. Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2017.
  - 3 Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 20–23.
  - 4 Усов А.И. Сотрудничество судебно-экспертных учреждений министерств юстиции как одно из практических звеньев международной интеграции государств — членов ЕврАзЭС // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 27–31.

О правовых вопросах регулирования автоматизированного решения экспертных задач*

Ткачёв Александр Викторович,

доцент кафедры криминалистики

Юридического факультета Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова,

кандидат юридических наук

alvtkachev@rambler.ru

В статье анализируются особенности экспертного исследования с применением автоматизированных экспертных методик на примере производства экспертных исследований в отношении компьютерной информации и техники. Исследуется правовой механизм контроля качества экспертных методик, изложенный в проекте федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Выделены положительные моменты, а также проблемные вопросы, которые могут возникнуть при рассмотрении конкретных уголовных дел. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования контроля качества экспертных методик.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная экспертиза, автоматизированные экспертные методики, валидация, сертификация.

The article analyzes the peculiarities of expert research involving application of automated expert methods based on the expert research in respect of computer information and hardware. The author reviews the mechanism of expert method quality control given in the draft of the federal law On Expert and Criminalistic Activities in the Russian Federation; focuses on positive aspects and challenging issues, which may arise in review of specific criminal cases; gives proposals for improvement of the legal regulation of expert method quality control.

Keywords: criminal procedure, forensic examination, automated expert methods, validation, certification.

В отечественной экспертной практике в 80-х годов XX в. появились методики, позволяющие полностью автоматизировать процесс производства некоторых экспертиз от ввода данных до формирования заключения эксперта.

Так, была создана и успешно внедрена в практику производства автотехнических экспертиз методика «Автоэкс». Она позволяла без участия человека-эксперта в решении исследовательских задач на основе данных, полученных при осмотре места происшествия (участков местности, транспортных средств, потерпевших), полностью провести экспертизу. Роль человека заключалась в логическом контроле вводимых данных (в настоящее время эта часть работы также может быть автоматизирована) и подписании самого заключения. Подписывал заключение эксперт-автотехник, который не обладал знаниями в области программирования и не мог контролировать процесс проведения исследования компьютером.

Со временем таких методик становилось все больше. Развитие компьютерной техники, телекоммуникационных технологий, математических методов позволяет, и в некоторых случаях это уже происходит, исключить человека (полностью или частично) как субъекта применения специальных знаний из решения многих экспертных задач. Речь идет о дактилоскопии, идентификации лица по фото- и видеоизображениям, исследовании компьютерной информации и других. Данный процесс идет не только в экспертной деятельности, но и в сфере криминалистической регистрации.

Рассмотрим более подробно этот процесс на примере использования автоматизированных методик при производстве экспертизы компьютерной информации и техники.

Существует целый ряд отечественных и зарубежных программно-аппаратных комплексов, позволяющих полностью автоматизировать весь процесс решения ряда экспертных задач в данной области¹. Внедрение таких средств приводит к пересмотру роли эксперта в исследовании компьютерной информации.

До недавнего времени в криминалистике общепризнанным считалось, что доступ и последующее ознакомление с компьютерной информацией на электронных носителях должны осуществляться специалистом или экспертом, соответственно, в рамках отдельного следственного действия или в ходе экспертного исследования. Исследование же компьютерной информации, как правило, необходимо было производить в ходе экспертизы. В некоторых случаях допускалось ее исследование специалистом при условии отсутствия риска утраты и изменения информации.

Новые технологии позволяют осуществлять доступ, последующее ознакомление с компьютерной информацией и даже решать некоторые исследовательские задачи с помощью стандартных программных и технических средств без привлечения человека — носителя специальных знаний к решению таких задач².

При работе с автоматизированными комплексами необходимо обладать в первую очередь не специальными знаниями в области компьютерной информации и техники, а навыками работы с инструментами, позволяющими такую информацию исследовать. Указанные комплексы в большой степени ориентированы на самостоятельную работу с пользователем-юристом, не обладающим специальными

* On Legal Issues of Regulation of Automated Expert Task Solution

Tkachev Aleksandr V., Assistant Professor of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Candidate of Legal Sciences

знаниями ни в области информатики, ни в той предметной области, применительно к которой автоматизировано решение экспертных задач.

Новые технологии создают дилемму: с одной стороны, использовать их для исследования доказательственной информации может любой участник судопроизводства, с другой стороны, использование применяемых в них методов и средств, оценка результатов такого использования невозможны без соответствующих специальных знаний, процедура решения задачи недоступна контролю со стороны органов чувств человека.

В судопроизводстве возникает проблема доказательственного значения вывода, полученного в ходе реализации автоматизированной методики экспертного исследования, и его ввода в процесс в качестве соответствующего доказательства.

Отечественное судопроизводство рассматривает эксперта как субъекта, полностью отвечающего за дачу экспертного заключения, включая его научную обоснованность, объективность, всесторонность, полноту и достоверность. При использовании автоматизированных методик эксперт, конечно, имеет общее представление о принципах работы соответствующих программных и технических средств, но он фактически не осуществляет исследовательские действия и не контролирует процесс их выполнения, за исключением, возможно, осуществления простейших функций по логическому контролю. Ответственность эксперта за выводы основана на предварительно принятой оценке применяемых методов и средств как достоверных, и эта оценка не является предметом проверки в процессе производства конкретной экспертизы. В ином случае терял бы смысл сам процесс автоматизации экспертного исследования.

Дополнительным фактором, оказывающим влияние на производство экспертных исследований и оценку их результатов, стал процесс перехода деятельности по созданию не только экспертной техники, но и экспертных технологий от системы экспертных учреждений к сторонним организациям.

До конца XX в. эксперты, как правило, самостоятельно разрабатывали экспертные методики и использовали в качестве технической базы созданную соответствующими производителями технику. На современном этапе положение стало меняться. Все чаще коммерческие организации предлагают экспертам не просто набор технических средств, а полностью готовую технологию решения конкретной экспертной задачи. Фактически бизнес создает и предлагает экспертным учреждениям купить экспертную методику. Эксперт получает готовую технологию, в которую им самостоятельно не могут быть внесены изменения.

Складывающееся положение обусловлено, с одной стороны, большими финансовыми затратами, которые ни государство, ни частные экспертные учреждения не имеют возможности вложить в создание новых экспертных методик, с другой стороны, продажа таких продуктов стала выгодна бизнесу.

Однако наряду с положительным эффектом предоставления эксперту разнообразного инструментария возможны и негативные эффекты коммерциализации: недобросовестная конкуренция, создание «сырых», недоработанных продуктов и т.п.

Проведение экспертиз напрямую затрагивает права граждан. Возможные ошибки в технологиях могут привести к ошибкам в проведении конкретных экспертиз и оказать влияние на принятие юридических решений по уголовным, гражданским и другим делам.

Думается, вопросы использования типовых методик решения экспертных задач (особенно автоматизированных) должны обрести правовое регулирование.

Проект федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — проект закона), находящийся на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания РФ³, содержит, на наш взгляд, несколько положений, которые могут быть использованы в рассматриваемых целях.

В ст. 1 проекта закона раскрываются следующие основные понятия:

Валидация — оценка пригодности использования методических материалов по производству судебной экспертизы.

Научно-методическое обеспечение судебной экспертизы — один из видов обеспечения судебно-экспертной деятельности, включающий методические материалы по производству судебной экспертизы, методы и средства судебной экспертизы, программы профессионального обучения в области судебной экспертизы.

Сертификация научно-методического обеспечения судебной экспертизы — подтверждение его соответствия требованиям, предъявляемым к специфическому целевому использованию методик, методов и средств в области судебной экспертизы.

В ст. 10 проекта закона указывается, что эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей экспертной специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить научную обоснованность и достоверность сделанных выводов. Методические материалы по производству судебной экспертизы применяются, если отвечают принципам законности, требованиям безопасности, научно обоснованы, эффективны, в отношении них проведена валидация и (или) сертификация научно-методического обеспечения судебной экспертизы, порядок проведения которых устанавливается Правительством РФ. В заключении эксперта приводится научное обоснование пригодности используемых методических материалов по производству судебной экспертизы, если они не прошли процедуры, предусмотренные ч. 3 ст. 10.

Следовательно, проект закона предусматривает механизм контроля путем валидации и (или) сертификации научно-методического обеспечения за экспертными методиками на стадии внедрения в экспертную деятельность⁴. Представляется, такой контроль должен быть распространен и на автоматизированные экспертные методики.

Наличие правовых норм, предполагающих создание системы контроля качества экспертных методик, безусловно, является одним из важнейших достижений проекта закона. В то же время механизм контроля сформулирован в самом общем виде и, по сути, напоминает декларацию.

В проекте закона нет расшифровки понятия «*требования, предъявляемые к специфическому целевому использованию методик, методов и средств в области судебной экспертизы*», а именно на соответствие таким требованиям должна проводиться сертификация научно-методического обеспечения судебной экспертизы. Таким образом, не раскрыта цель сертификации.

Системное толкование п. 3 и п. 4 ст. 10 проекта закона позволяет утверждать, что при использовании методик, прошедших валидацию и (или) сертификацию, в ходе проведения конкретной экспертизы эксперт не обязан в своем заключении приводить научное обоснование примененной им методики. Видимо, хотя это прямо не указано в проекте закона, достаточно будет сослаться на то, что соответствующая методика прошла процедуру валидации и (или) сертификации. Такой подход понятен, поскольку освобождает эксперта от необходимости пересказывать в заключении научные положения, уже прошедшие апробацию в уполномоченном государством органе.

Вместе с тем указанная процедура несет и некоторые риски. В проекте закона не предусмотрены нормы, позволяющие оспаривать методики, прошедшие валидацию и (или) сертификацию. Следовательно, отсутствует механизм контроля за прошедшими сертификацию (валидацию) методиками на стадии производства экспертиз. Между тем в силу норм уголовно-процессуального права участники процесса могут оспорить результаты проведенной экспертизы по конкретному уголовному делу по мотиву недостаточной научной обоснованности, надежности и (или) достоверности примененных методов и средств.

В правоприменительной практике существует довольно устойчивая тенденция, когда суд или соответствующий правоохранительный орган уклоняется, по существу, от оценки научной обоснованности и достоверности проведенной экспертизы. Стандартная формулировка отказа от такой оценки: «Нет оснований не доверять проведенным экспертным исследованиям».

В качестве примера, иллюстрирующего один из аспектов данной проблематики, приведем ситуацию с оспариванием участниками процесса компетентности эксперта.

При рассмотрении уголовных дел суды общей юрисдикции толковали положения ст. 57, 195 УПК РФ как не позволяющие суду и участникам процесса требовать специального подтверждения квалификации эксперта, работающего в негосударственном экспертном учреждении.

Конституционный Суд РФ в Определении от 18 декабря 2003 г. № 429-О «По жалобе граждан Березовского Бориса Абрамовича, Дубова Юлия Анатольевича и Патаркацишвили Аркадия Шалвовича на нарушение их конституционных прав положениями статей 47, 53, 162 и 195 УПК РФ» пришел к выводу об ошибочности такой трактовки и сформулировал следующую правовую позицию: «Положения ст.ст. 195 и 57 УПК РФ не исключают необходимости, в т.ч. в случае поручения производства экспертизы лицу, не работающему в государственном экспертном учреждении, специального подтверждения квалификации эксперта (которая может быть предметом оспаривания участниками судопроизводства) и возможности отражения соответствующих данных в постановлении о назначении экспертизы»⁵.

В литературе уже высказаны предложения о закреплении указанной позиции Конституционного Суда РФ в проекте закона⁶.

С учетом изложенного положения проекта закона о валидации и сертификации могут быть восприняты правоприменителем как фактическое установление запрета на оспаривание участниками процесса экспертных методик, прошедших валидацию и сертификацию. Думается, это противоречило бы таким базовым принципам современного процесса, как состязательность и свободная оценка доказательств (отсутствие у доказательств заранее установленной силы).

Необходимо сохранить возможность обоснованного оспаривания результатов экспертиз, проведенных

на основе экспертных методик, прошедших валидацию и сертификацию, по основаниям их недостаточной научной обоснованности, надежности и (или) достоверности.

Предлагается конкретизировать нормы проекта закона в части проведения валидации и сертификации экспертных методик:

— раскрыть содержание требований, для обеспечения которых должны применяться процедуры валидации и сертификации;

— закрепить положение, согласно которому проведение указанных процедур не предопределяет их оценку судом, иными субъектами процесса доказывания;

— конкретизировать применение процедур «валидация» и «сертификация» в отношении методических материалов по производству судебных экспертиз.

Литература

1. Багмет А.М. Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED). Методические рекомендации / А.М. Багмет, С.Ю. Скобелин. М. : Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2012. 52 с.
2. Парфенова М.В. Совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации / М.В. Парфенова // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 12–14.

¹ В нашей стране распространение получили следующие универсальные программно-аппаратные комплексы, позволяющие решать задачи судебной экспертизы: EnCase, Forensic IPC, XRY, UFED, Мобильный криминалист.

² См., например: Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED). Методические рекомендации. М., 2013.

³ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=102984#017852120938118066> (дата обращения: 30.03.2018).

⁴ Из текста закона не совсем понятно соотношение терминов «валидация», «сертификация» применительно к методическим материалам судебной экспертизы. На данную проблему обратил внимание Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы ФС РФ в своем заключении. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=306504-6> (дата обращения: 30.03.2018).

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46442/ (дата обращения: 30.03.2018).

⁶ Парфенова М.В. Совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 13–14.

К вопросу о личности типичного рейдера*

Уколова Анастасия Михайловна,
магистрант Юридического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
ukholova1996@yandex.ru

В статье описаны некоторые особенности личности типичного рейдера как представителя «беловоротничковой» преступности. Кратко изложены наиболее характерные для преступников формы соучастия при проведении рейдерских захватов.

Ключевые слова: беловоротничковая преступность, рейдерский захват, личность рейдера.

The article describes some peculiarities of the personality of a typical raider as a representative of white-collar crime. The author gives a summary of the forms of complicity in hostile takeovers most characteristic for criminals.

Keywords: white-collar crime, hostile takeover, personality of a raider.

После распада СССР в числе приоритетных перед Российской Федерацией встала задача выхода из глубокого экономического кризиса, в котором республика пребывала с середины 70-х годов XX в. Было принято решение реорганизовать существовавшую систему хозяйствования.

Незадолго до событий 1991 г. по Закону СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР» советские граждане получили право на частную собственность. Указ Президента РФ от 29 января 1992 г. № 65 «О свободе торговли» обеспечил легализацию предпринимательской деятельности. Создание в июне 1990 г. одного из первых акционерных обществ — АО «КамАЗ» стало отправной точкой процесса приватизации, которая в 1992–1994 гг. приобрела массовый характер. При этом часть наиболее ценных объектов промышленности, сельского хозяйства, недвижимости оказались под контролем лиц, настроенных отнюдь не на развитие имущественных комплексов, а на быстрое получение прибыли от продажи активов. Использование процедуры банкротства позволило продать предприятия, стоимость активов которых составляла миллиарды долларов, за в разы меньшие деньги. Например, ЗИЛ «ушел» за 4 млн долларов, Уралмаш — за 3,72 млн¹. Так было положено начало корпоративному рейдерству в России.

Несмотря на то что с тех пор прошло около четверти века, с сожалением приходится констатировать: рейдерство до сих пор остается составляющей криминальной обстановки практически всех регионов России.

Рейдерство эволюционирует. Ранее для захвата предприятия использовалась грубая сила — вооруженные группы запугивали или физически устранили его законных владельцев, членов администрации и работников. Сейчас используются, если так можно выразиться, более «интеллигентные» методы: обращение к пробелам законодательства, взаимодействие с коррумпированными представителями государственных структур, получение выгодных судебных решений и обращение взыскания на активы компании в рамках исполнительного производства, подделка документов, заранее спланированные процедуры банкротства и т.д.²

По оценкам Национального антикоррупционного комитета, ежегодно в России происходит до 700 тыс. рей-

дерских захватов, при этом возбуждаются только 10% уголовных дел, а на рассмотрение суда из них поступают и вовсе единицы³. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года устойчивый экономический рост невозможен без действенной защиты частной собственности, в том числе за счет пресечения рейдерских захватов⁴.

Понятие «рейдерство» в законодательстве России напрямую не раскрывается ни в УК РФ, ни в других нормативных правовых актах. В средствах массовой информации, юридической литературе под рейдерством понимают недружественное силовое поглощение предприятия против воли его собственников или руководителей⁵. Его делят на несколько видов: «белое», при котором рейдеры действуют в рамках закона; «серое», когда нарушаются гражданско-правовые нормы; «черное», связанное с совершением преступлений⁶.

Научный интерес для криминалистики представляет именно «черное» рейдерство — противоправная целенаправленная, поэтапная деятельность субъектов преступления, направленная на получение возможности владеть, управлять и распоряжаться юридическим лицом, осуществляемая без согласия и вопреки интересам действующего руководства юридического лица⁷.

Криминалистическая характеристика преступления прежде всего опирается на такие элементы, как способ, следы преступления, личность типичного преступника. Рейдерство всегда представляет собой комплекс взаимосвязанных преступлений, которые служат единой цели. Состав и структура каждого деяния напрямую коррелируют со способом его совершения. Субъект преступления, руководствуясь своей преступной целью, выбирает способ ее достижения, своеобразие которого предопределяет следовую картину⁸. Поэтому с точки зрения необходимости совершенствования методики расследования рейдерских захватов криминалистическое изучение личности преступника представляется нам чрезвычайно важным.

Сегодня в криминалистике учение о лице, совершившем преступление, представляет целостную систему научных знаний, описывающих и объясняющих закономер-

* On the Personality of a Typical Raider

Ukholova Anastasia M., Graduate Student of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University

ности возникновения в окружающей действительности криминалистически значимой информации о свойствах и состояниях субъекта преступления, а также закономерности поисково-познавательной деятельности лиц, уполномоченных осуществлять раскрытие, расследование и обеспечивать профилактику преступлений⁹.

Структуру свойств личности ученые и практики описывают по-разному, но большинство сходится во мнении, что базовую совокупность составляют анатомические, биологические, социальные, психологические свойства человека.

Применительно к теме статьи надо отметить, что рейдер является классическим представителем «беловоротничковой» преступности, обладателем высокого уровня образования, человеком, имеющим связи с представителями государственных структур. Лица, занимающиеся расследованием уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, зачастую оказываются менее сведущими в области корпоративного и финансового права, бухгалтерского учета, что замедляет ход расследования преступления и может поставить под угрозу его результаты.

Начало исследования преступности в экономике было положено в 40-е годы прошлого века американским криминологом Эдвином Сатерлендом. Именно он ввел в научный оборот понятие «беловоротничковая преступность» для обозначения совокупности преступлений, совершаемых высокопоставленными в сфере бизнеса лицами в процессе профессиональной деятельности как в интересах юридических лиц, так и в своих собственных¹⁰.

Рейдеры совершают преступления с прямым умыслом, т.е. действуют осознанно, предвидят возможность наступления общественно опасных последствий, желают этого, изобретательно маскируют свои действия, чтобы как можно дольше оставаться на свободе и иметь возможность пользоваться результатами своей преступной деятельности. Разнообразие активных действий, как правило, влечет совершение преступлений не только в сфере экономики, но и общеуголовного характера.

Что касается психологического портрета рейдера, надо отметить, что «черные» рейдерские захваты совершают преимущественно лица с достаточно сформированными ценностными ориентациями, взглядами, установками, осознанно выбирающие преступное поведение в качестве средства обеспечения желаемого образа жизни, высокого уровня доходов. Преступления совершаются ими исключительно с целью получения материальных благ, так как основным мотивом действий является корысть.

Этой категории преступников, по мнению А.Ю. Федорова, присущи следующие черты:

- 1) гипертрофированная целевая жизненная установка на обогащение и обладание властью любой ценой;
- 2) повышенные материальные стандарты и готовность идти на значительный риск ради их достижения;
- 3) развитый интеллект, высокий уровень образования и профессиональной подготовки;
- 4) хорошее знание законодательства в сфере регулирования экономических отношений, злоупотребление правилами рыночной экономики;
- 5) наличие склонности к «гармонизации» законных и противоправных методов и способов ведения предпринимательской деятельности;
- 6) сочетание эгоцентризма и экстравертности, склонность к гедонизму;
- 7) наличие в гипертрофированной форме таких специфических личностных качеств, как энергичность, нахрапистость, самомнение, самоуверенность (при отсутствии либо наличии в незначительной степени сомнений в достижении поставленных целей), цинизм по отношению к другим людям (партнерам, клиентам), склонность к блефу и др.;

8) внешние респектабельность и добропорядочность, создающие благоприятное впечатление, формально подразумевающие законопослушность, а также предполагающие высокий социальный статус субъекта, его принадлежность к элитному социальному слою общества;

9) отсутствие явных внешних признаков отличия от законопослушных предпринимателей, сокрытие преступных намерений и деяний за ширмой законной экономической деятельности¹¹.

Осуществлять рейдерские захваты могут как одиночки, создающие новую «команду» для каждого захвата, так и постоянно действующая группа злоумышленников.

Структура рейдерской организации охватывает три уровня:

- высший (организаторы, которые, как правило, имеют частный бизнес с небольшим легальным оборотом, что позволяет им вступать в различные ассоциации, контактировать с чиновниками и пр.);
- средний («черные юристы», которые заняты составлением подложных документов для возбуждения уголовных дел в отношении владельцев контрольного пакета акций общества, инициируют судебные разбирательства, проведение проверок и т.п.);
- низший (силовые структуры — организаторы силовых захватов и подчиненные им сотрудники частного охранного предприятия, наемники, среди которых могут быть бывшие заключенные, спортсмены, гастарбайтеры и др.)¹².

Жертвами рейдеров становятся владельцы предприятий, имеющие неразрешенные разногласия с акционерами; нарушающие законодательство и сообщающие об этом ненадежным лицам; осуществляющие неправильную кадровую политику; ведущие «черную» бухгалтерию; пренебрегающие правильным оформлением юридически значимых документов. Зачастую они оказываются заложниками миноритарных акционеров, вступивших в сговор с организацией-конкурентом. Примкнуть к рейдерам могут соучредители акционерного общества (как действующие, так и бывшие); привилегированные акционеры; бывшие сотрудники организации, обладающие информацией, которую можно использовать для проведения рейдерского захвата (например, юристы и бухгалтеры). В группу риска входят все лица, разбирающиеся в специфике деятельности предприятия, механизме распределения прибыли, в способе воздействия на органы управления для принятия выгодных отдельным лицам решений.

Таким образом, обобщая изложенное, можно сделать вывод, что лица, занимающиеся рейдерскими захватами предприятий, имеют высокий уровень образования, часто юридическое или экономическое, наделены организаторскими способностями и пытливым умом, умеют налаживать связи, стремятся к обогащению и обладанию властью.

Следует отметить необходимость проведения аналитико-статистических психологических исследований личности рейдера, динамики ее изменения, возможно, стоит разработать компьютерную базу таких лиц для получения необходимых сочетаний типологических признаков и выявления общих закономерностей совершения преступлений и их предупреждения в последующем.

Литература

1. Багмет А.М. Основные элементы криминалистической характеристики рейдерства / А.М. Багмет, В.В. Бычков // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. 2010. № 2 (8). С. 15–20.
2. Комиссарова Я.В. К вопросу о личности типичного преступника, осуществляющего контрабанду наркотических средств и психотропных веществ / Я.В. Комиссарова, А.А. Шитов // Российский следователь. 2017. № 7. С. 7–10.

3. Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. 528 с.
4. Малыгина Н.И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы : монография / Н.И. Малыгина ; под ред. А.Ф. Волынского. М. : Юрлитинформ, 2016. 312 с.
5. Паршиков В.И. Способы совершения рейдерских захватов как элемент криминалистической характеристики преступления / В.И. Паршиков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 152–163.
6. Федоров А.Ю. Криминологическая характеристика участников преступлений, связанных с рейдерством / А.Ю. Федоров // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. 2014. № 9. С. 67–74.
7. Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия) / А.Ю. Федоров. М. : Волтерс Клувер (Wolters Kluwer), 2010. 463 с.
8. Фойгель Е.И. Криминалистическая характеристика «рейдерства» / Е.И. Фойгель // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. Вып. 1. С. 116–121.
9. Фойгель Е.И. Криминалистическая характеристика «рейдерства» // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. Вып. 1. С. 116–121.
10. Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. С. 269.
11. Федоров А.Ю. Криминологическая характеристика участников преступлений, связанных с рейдерством // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. 2014. № 9. С. 67–74.
12. Багмет А.М., Бычков В.В. Основные элементы криминалистической характеристики рейдерства // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. 2010. № 2 (8). С. 19–20.
3. Воронина Ю. Покусились на чужое // Российская бизнес-газета. 2015. № 1005 (26). 7 июля. URL: <https://rg.ru/2015/07/07/reyderstvo.html> (дата обращения: 11.03.2018).
4. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // СПС «КонсультантПлюс».
5. Обобщение понятий см., например: Джамалдинов Т.В. Рейдерство: понятие, признаки, способы противодействия // Студенческий форум: электрон. науч. журн. 2017. № 10 (10). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/10/24267> (дата обращения: 11.03.2018).
6. См., например: Паршиков В.И. Способы совершения рейдерских захватов как элемент криминалистической характеристики преступления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 152–163.
7. Подробно см.: Фойгель Е.И. Криминалистическая характеристика «рейдерства» // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. Вып. 1. С. 116–121.
8. Комиссарова Я.В., Шитов А.А. К вопросу о личности типичного преступника, осуществляющего контрабанду наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2017. № 7. С. 8.
9. Подробно см.: Малыгина Н.И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы : монография / под ред. А.Ф. Волынского. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 263.

**ПРИНИМАЕМ К ОПУБЛИКОВАНИЮ
ВАШИ СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ**

avtor@lawinfo.ru www.lawinfo.ru